

Цимиданов В.В.

ПУТОВЫЕ КОСТИ ЛОШАДИ В ОБРЯДНОСТИ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

Реферат: В статье анализируются погребения срубной культуры, где содержались путовые кости лошади (I фаланги). Автор рассматривает следующие аспекты: а) ареал распространения и удельный вес данных погребений на разных территориях; б) количество путовых костей в погребениях; в) их размещение в могилах; г) корреляцию путовых костей с другими вещами; д) возраст и пол людей, которые были погребены с путовыми костями; е) их общественное положение; ж) семантику путовых костей в контексте погребального обряда. В итоге делается вывод, что путовые кости символизировали лошадей.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, срубная культура, погребения, путовые кости лошади, семантика.

Категории погребального инвентаря срубной культуры весьма разнообразны [см., например: Кузнецов, Мочалов 2003, с. 5-29; Цимиданов 2004, табл. 20]. Каждая из вещей, сопровождавших умершего, имела в контексте погребального обряда определенную знаковую нагрузку, выяснить которую зачастую бывает не просто. В зависимости от того, насколько репрезентативна выборка, анализируемая исследователем, на каких аспектах ее осмысления он заостряет внимание, какие параллели для ее интерпретации использует (если использует), наконец, сколь изощрен его ум, одни и те же артефакты могут трактоваться по-разному [ср., например: Цимиданов 2001, с. 215-229; Юдин 2009]. Отсюда проистекает необходимость критической оценки выдвинутых гипотез, проверки их на максимально обширных массивах комплексов.

В предлагаемой работе рассматриваются срубные захоронения, где умерших сопровождали путовые кости лошади¹. Данные кости (рис. 1, I) специалисты-зоологи обычно именуют I фалангами [Акаевский 1968, с. 90] и проксимальными фалангами [Акаевский 1968, с. 90; Попеско 1978, рис. 158, № 26]. В просторечии их чаще всего называют бабками. А в археологической литературе путовые кости, помимо слова “бабка”, обозначают еще словами “астрагал”, “альчик”, “фаланга”, “сустав”. В ряде случаев авторы публикаций употребляют некорректные термины: например, “путовая (таранная) кость лошади” [Исмагил и др. 2009, с. 22]. На самом деле, путовая и таранная кости – не одно и то же, и находятся они в разных частях конечности [см.: Попеско 1998, рис. 158]. Иногда путовые кости лошади фигурируют как “скакательные суставы” [Литвиненко, Полидович 2001, с. 130, 134; Привалова, Привалов 2004, с. 83, 85, 87]. Отметим, что данные кости к скакательным суставам не имеют отношения. А порой путовая кость считается метаподией [Ляхов 2009, с. 21, 23]. Это – тоже неверно, поскольку I фаланга и метаподия – разные кости [Антипина 2004, табл. 7.16].

Сложность заключается еще и в том, что термином “бабки” в археологической литературе часто называют не только путовые кости лошади, но и таранные кости мелких и крупных копытных. Поэтому, если, например, исследователь пишет о том, что в захоронении обнаружены “бабки лошади”, вероятность того, что мы имеем дело с путовыми костями данного животного, весьма велика. Но если говорится о “бабках” без указания вида животного, эти артефакты путовыми костями лошади могут и не являться. Когда в публикациях пишется о “фалангах лошади” или “суставах лошади”, вновь невозможно быть уверенным, что данные кости являются именно I фалангами. К сожалению, в проработанных

¹ Автор искренне благодарен А.Н. Усачуку за помощь, полученную от него в процессе подготовки статьи.

нами публикациях погребений срубной культуры, как правило, отсутствуют рисунки или фотографии интересующих нас артефактов². Нечасто встречаются в них и определения костей, сделанные специалистами-зоологами. Поэтому в большинстве случаев приходится получать необходимую информацию из планов погребений. Благо, путовые кости лошади имеют параметры (длина – до 9,7 см у лошадей срубной культуры [Антипина 2004, рис. 7, 16]) и очертания (один конец – шире, чем другой), позволяющие на многих планах, присутствующих в публикациях³, более или менее надежно отличать данные кости от астрагалов (таранных костей) мелких и крупных копытных, а также – II и III фаланг лошади. В итоге, абстрагируясь от части комплексов, где, возможно, и были путовые кости лошади, но с достаточной долей вероятности установить это невозможно, мы учли 69 срубных захоронений с интересующими нас предметами (см. Приложение).

В отличие от захоронений срубной культуры с таранными костями (ниже – астрагалами) мелких копытных, которые уже давно анализируются исследователями [см., например: Ковалева 1990; Цимиданов, Чаур 1997; Цимиданов 2001; Юдин 2009], срубные комплексы с путовыми костями лошади⁴ привлекали мало внимания. Вероятно, это предопределено тем, что последние попадали в контекст срубного погребального обряда значительно реже, чем астрагалы. Тем не менее, некоторые авторы уже высказывали свои соображения относительно путовых костей из срубных погребений. Так, К.Ф. Смирнов допустил, что эти артефакты являлись “культовыми предметами” [Смирнов 1961, с. 46]. Ю.А. Морозов, публикуя краткую информацию о раскопках кургана 106 Староябалаклинского могильника (Башкортостан), назвал путовые кости “казанками для игр” [Морозов 1980, с. 161]. В полной публикации упомянутого могильника пишется, что “астрагалы” (к ним причислены и путовые кости) использовались “вероятно, для игр в «кости»” [Горбунов, Морозов 1991, с. 84]. Путовые кости были отнесены к “игральным костям” и в статье С.Н. Братченко, Ф.Р. Балонина и Я.П. Гершковича [2004, с. 69]. Р.М. Сатаев интерпретировал I и II фаланги лошади, присутствовавшие в некоторых погребениях Николаевского могильника, Башкортостан, как “игровые кости” [Сатаев 2009, с. 214]. В монографии о данном могильнике обращается внимание также на то, что во всех четырех захоронениях некрополя, где выявлены путовые кости, их было по две, и размещались они у лица погребенного или у сосуда. Отсюда делается вывод: “Определенное количество фаланг лошади и их расположение указывает на их строго атрибутированный характер” [Исмагил и др. 2009, с. 143]. Правда, не совсем понятно, что авторы имели в виду под “атрибутированным характером”. Самое обстоятельное исследование, посвященное анализу погребений эпохи бронзы с путовыми костями лошади, принадлежит В.А. Лопатину [2010, с. 130-148]. На некоторых наблюдениях и предположениях автора мы остановимся ниже.

Перед тем, как перейти к анализу учтенных нами захоронений, отметим, что в срубной культуре спектр обрядовых манипуляций с интересующими нас предметами, был, похоже, очень узок. Так, хотя путовые кости и клались на дно некоторых могил, в связанных с погребальным обрядом действиях, совершавшихся вне могильных ям, они почти не использовались. Мы, во всяком случае, знаем только два подобных факта. В частности, в срубном кургане 2 могильника Мессер V Саратовской обл. в 8 м к северо-востоку от центра подкурганной площадки была обнаружена “бабка лошади”⁵ [Лопатин, Четвериков 2007, с. 27]. А кургане 4 могильника Огородное, Донецкая обл. “бабка лошади” находилась в выкиде

² Исключений нам известно лишь два [Лебедева (Овчинникова) 2008, рис. 5, 4; Юдин 2009, рис. 3, 5].

³ Увы, в некоторых работах планов погребений нет вообще, или они предельно схематичны, а потому ничем не могут помочь в нашем поиске.

⁴ Уточним, что ниже, используя формулировку “путовые кости”, мы во всех случаях имеем в виду путовые кости именно лошади.

⁵ Любопытно, что путовая кость лошади обнаружена и в захоронении, над которым был возведен данный курган.

из п. 8 – к северу от могильной ямы [Посредников, Зарайская 1993, с. 161]. В культовые комплексы поселений рассматриваемые предметы тоже попадали лишь в редчайших случаях, о чем мы еще скажем.

Учтенные погребения с путовыми костями выявлены на территории от Зауралья (Челябинская обл.) на востоке до Северо-Западного Приазовья (Запорожская обл.) на западе. Они не известны нам в Предкавказье, Лесостепном и Степном Поднепровье, Крыму и на Днепровском Правобережье (см. табл. 1). Можно обратить внимание на то, что практика помещения в могилы путовых костей по мере продвижения носителей срубной культуры на запад “иссякала”. Вдобавок западнее Подонья обрядовое использование I фаланг лошади имело место почти исключительно в степи. Памятники лесостепи его практически не демонстрируют⁶. А вот ситуация с астрагалами мелких копытных принципиально иная. Хотя частота встречаемости захоронений, где присутствовали данные артефакты, в ряде регионов западной территории срубной общности есть несколько ниже, чем в регионах восточной территории (особенно, чем в Нижнем Поволжье) (см. табл. 1), именно на западной территории сконцентрированы самые яркие погребения с астрагалами [Цимиданов 2001, с. 228]. Кроме того, комплексы с таранными костями мелких копытных известны во всех регионах этой территории.

Возвращаясь к захоронениям с I фалангами лошади, отметим, что частота их встречаемости наиболее высока в Нижнем Поволжье, где эти комплексы составляют 1,7% среди однокультурных. Нелишне сделать одно уточнение. Все учтенные нами срубные погребения с путовыми костями, выявленные в Нижнем Поволжье, происходят с территории Саратовской области. В Волгоградском и Астраханском Поволжье срубных захоронений с рассматриваемыми артефактами нам не известно⁷. Итак, создается впечатление, что в срубное время обрядовые манипуляции с путовыми костями имели наибольшие масштабы на севере Нижнего Поволжья. Как показывают материалы, собранные В.А. Лопатиным, в Нижнем Поволжье обрядовое использование путовых костей практиковалось и в досрубное время – населением, оставившим памятники криволукского типа и покровской культуры. При этом, похоже, у носителей ямной, катакомбных, абашевских (за исключением разве что доно-волжской абашевской), синташтинской, потаповской, петровской и алакульской культур путовые кости особых эмоций не вызывали [см.: Лопатин 2010, с. 131-139]. Вероятно, именно с севера Нижнего Поволжья практика обрядовых манипуляций с I фалангами лошади распространилась в другие регионы ареала распространения срубной культуры.

На **восточной территории** срубной общности нам известно 48 погребений с путовыми костями (далее – группа П). Из них 2 были разрушенными. В каждом выявлены кости взрослого и ребенка, но кого из умерших сопровождали рассматриваемые артефакты – неизвестно. Еще один комплекс являлся кремацией, причем возраст погребенного не установлен. Применительно к остальным 45 захоронениям он известен в тех или иных пределах⁸. Среди погребенных – 7 взрослых (15,6% от 45 захоронений), в т.ч. мужчина 35-45 лет, женщины 18-25 и 25-30 лет, а также “старец”. Остальные лица группы П являлись детьми или подростками (84,4%). В.А. Лопатин уже отмечал, что в срубной культуре “чаще «бабки» присутствуют в детских могилах” [Лопатин 2010, с. 140]. Имеющаяся у нас информация позволяет несколько конкретизировать данное наблюдение. Заметим, что во многих случаях авторы проработанных публикаций определяют возраст невзрослых умерших с помощью терминов “ребенок” и “подросток”. Эти термины слишком

⁶ Единственное известное нам захоронение с путовыми костями из Украинской лесостепи выявлено на южной окраине данной природной зоны.

⁷ Фигурирующие в Приложении погребения с территории Волгоградской области относятся к Подонью.

⁸ В большинстве случаев эта информация содержится в публикациях. Но в некоторых работах авторы о возрасте погребенных не пишут, и тогда его приходится определять приблизительно – по параметрам костей умерших и/или размерам могильных ям.

расплывчаты, ибо граница между “детьми” и “подростками” весьма спорна даже среди антропологов, не говоря уж об археологах [Цимиданов 2008, с. 60]. Поэтому стоит заострить внимание на тех захоронениях, где возраст определен в годах. Соответствующая информация имеется по 20 погребениям. Данные о возрасте таковы: 1-2, 3, 3-4, 5-6, 6 (3 случая), 6-7 (2), 7 (2), 7-8 (2), 8-9, 9, 10-12, 11, 11-12 (2), 12-14 лет. Бросается в глаза то, что чаще путовые кости оказывались в погребениях, которые мы относим к I средней группе (7-12 лет) [Цимиданов 2008, с. 68-69]. Реже рассматриваемые артефакты попадали в захоронения младшей группы (до 7 лет) и, судя по нашим данным, эта категория погребального инвентаря была почти не характерна для II средней группы (12-17 лет на восточной территории).

Уместно отметить, что на восточной территории в массиве захоронений, содержащих астрагалы мелких копытных (далее – группа А), удельный вес взрослых значительно выше, чем в группе II – 22,9% против 15,6%.

Как сказано выше, из взрослых группы II один был определен как мужчина и два – как женщины. В данной связи стоит обратить внимание еще на некоторые комплексы. В погребениях из Уранбаша, 9/6 (возраст умершего – 11 лет) и Кулатки, 1/8 (умерший назван подростком) находились бронзовые браслеты, что с достаточной долей вероятности свидетельствует о женском поле умерших [см.: Цимиданов 2006, с. 199]. О том же говорят и наборы украшений из Боголюбовки, 13/5 (6 лет), Рождествено I, 2/2 (7 лет) и Масленниково I, 1/3 (9 лет) [см.: Цимиданов 2006, с. 199]. В погребении из Южного, 1/6 (взрослый) выявлено деревянное блюдо, что позволяет считать покойника мужчиной [см.: Цимиданов 2006, с. 199]. Итак, правомерно констатировать, что с путовыми костями погребали лиц обоих полов.

Число рассматриваемых артефактов в захоронении могло быть различным. Оно известно применительно к 41 комплексу. При этом 1 путовая кость выявлена в 18 погребениях, 2 – в 12, 3 – в 2, 4 – в 4, 5 – в 2. Наконец, 6, 7 и 11 I фаланг встречены по 1 разу. Как видим, в погребениях срубной культуры чаще оказывались 1 или 2 путовые кости. Обратим внимание еще и на то, что количество путовых костей в учтенных нами комплексах не превышало 11. Ситуация с астрагалами мелких копытных принципиально иная. Число данных артефактов в погребении могло быть весьма значительным. Например, на восточной территории нам известны комплексы, где их было около 80 [Юдин 2009, табл. 1], 128 [Галкин 1974, с. 143], 207 [Исмагил и др. 2009, с. 19].

Лица, которых сопровождала 1 путовая кость, имели разнообразный возраст. Среди них, в частности, были дети 3, 3-4, 5-6 и 6-7 (2 случая) лет, подростки 7, 9, 11-12 (2) лет, взрослые 18-25, 35-45 лет и “старец”. В 1 случае пол был определен как мужской, в 2 – как женский.

Среди умерших, в могилах которых выявлены 2 путовые кости, представлены дети 1-2 и 6 (2) лет, подросток 7-8 лет и взрослый 25-30 лет (женщина).

А вот 3 и более I фаланг оказывались в захоронениях почти исключительно лиц с возрастом в интервале 7-14 лет: 3 кости выявлено в погребениях человека 12-14 лет и “подростка”, 4 – в погребениях индивидуума 7-8 лет, 2 “подростков” и 1 “взрослого”, 5 – в могиле лица 7 лет и “подростка”, 7 – в захоронении умершего 8-9 лет, 11 – в могиле человека 11-12 лет (по погребению, где находились 7 путовых костей, данных о возрасте нет).

Применительно к некоторым комплексам установлена принадлежность путовых костей к левым или правым, а также – к передним или задним конечностям. Н.В. Рослякова и П.А. Косинцев, проанализировав фаланги лошади из 19 срубных погребений с территории лесостепного Поволжья, обратили внимание на то, что правые фаланги попадали в захоронения чаще, чем левые. По мнению исследователей, “существовала избирательность их (фаланг лошади – В.Ц.) по этому признаку” [Рослякова, Косинцев 2013, с. 213]. Данное наблюдение тем более интересно, что астрагалы крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота и свиньи, как установили авторы, подобной избирательности не демонстрируют

[Рослякова, Косинцев 2013, с. 213]. Правда, производя подсчеты, Н.В. Рослякова и П.А. Косинцев рассматривали I и II фаланги лошади суммарно, а это, на наш взгляд, не вполне корректно, ибо семантика I и II фаланг могла быть разной. Что касается комплексов, учтенных нами (7 погребений с путовыми костями, по которым имеется соответствующая информация), то здесь правых фаланг было 7, а левых – 11. Передних фаланг было 11, а задних – 7. Комментировать данную информацию нет смысла, поскольку по 85,4% захоронений с путовыми костями из нашей сводки соответствующих данных нет. Добавим, что 3 погребения (Просвет I, 8/2; Рождествено I, 2/2; Спиридоновка IV, 2/2) демонстрируют корреляцию левых и правых фаланг, а 5 (Боголюбовка, 1/3; 13/5; Просвет I, 8/2; Рождествено I, 2/2; Спиридоновка IV, 2/2) – передних и задних. Отсюда создается впечатление, что для носителей срубной культуры принадлежность путовой кости к определенной конечности была не слишком важна. Впрочем, накопление археозоологических определений позволит прояснить данный вопрос.

В ряде комплексов путовые кости входили в состав “текста” с другими костями лошади⁹. В частности, в захоронении из Спиридоновки IV, 2/2 присутствовали 4 I фаланги и 4 II фаланги (зоологи называют их также венечными костями и средними фалангами).

В погребении из Рождествено I, 2/2 находились 5 I фаланг и 4 II фаланги. Важным нюансом является наличие на рассматриваемых артефактах порезов, свидетельствующих о целенаправленном вычленении данных костей из конечностей [Рослякова, Косинцев 2012, с. 358]. Из этого факта следует, что путовые и венечные кости попадали в могилы, будучи отделенными друг от друга.

В погребении из Масленниково I, 1/3 выявлены лежавшие отдельно одна от одной I и II фаланги. На них также прослежены порезы [Рослякова, Косинцев 2012, с. 360].

В погребении из Боголюбовки, 1/3 присутствовали 2 I фаланга и 1 II (на последней зафиксированы порезы) [Рослякова 2014, с. 159].

В погребении из Николаевки, 1/3 находились 1 путовая и 1 венечная кости, не бывшие в сочленении.

В комплексе из Николаевки, 1/9 выявлены 1 путовая кость и размещавшиеся рядом, но отдельно от нее сочлененные венечная кость и копыто.

В захоронении из Старых Ябалаклов, 106/5 найдены 4 путовые кости и 1, возможно, венечная.

В погребении из Пролетарки II, 1/5 были сочлененные путовая и венечная кости.

В захоронении из Лузановки, 8/5 находились, скорее всего, 2 путовые и 2 венечные кости.

В погребении из Мирного 3, 4/15 выявлены 7 путовых и 7 венечных костей.

Еще в ряде захоронений фаланги лошади дополнялись костями конечностей других животных. Так, в погребении из Боголюбовки 13/5, помимо 2 путовых костей лошади, находились 2 I фаланги крупного рогатого скота.

В комплексе из Богородского I, 4/8 2 путовые кости образовывали набор с 2 фалангами крупного рогатого скота.

В захоронении из Новопокровки II, 1/22 обнаружены 11 путовых костей, вместе с которыми лежали 8 венечных костей лошади, а также астрагалы крупного и мелкого рогатого скота.

В погребении 15 из Смеловки путовая кость дополнялась пястной костью теленка.

В комплексе из Лузановки IV, 1/3 были выявлены, как пишут авторы публикации, 64 кости суставов конечностей лошади, коровы, свиньи и овцы. Насколько можно понять по плану погребения, среди них были и путовые кости лошади.

⁹ Здесь и ниже имеются в виду кости, не являвшиеся остатками мясной пищи.

Еще в 4 погребениях (Старые Ябалаклы, 90/4, Уранбаш, 9/6, Киевка, 1/6 и Кулатка, 1/7), судя по их планам, путовые кости также дополнялись другими костями, но установить их анатомическую и/или видовую принадлежность не удалось.

О трех комплексах с территории Самарской обл. стоит сказать особо. В погребении из Ташелки IV, 2/10 (подросток 8 лет) находились фаланга лошади, 22 астрагала мелкого рогатого скота и 12 астрагалов свиньи. В захоронении из Бузаевки I, 4/4 (парное погребение подростков 7 и 9-10 лет) присутствовали два набора интересующих нас артефактов. В состав одного входили 16 фаланг лошади и 1 астрагал свиньи, а в состав другого – фаланга лошади, 3 астрагала крупного рогатого скота, 2 – мелкого рогатого скота и 14 – свиньи. В погребении из Суходольского, 2/4 (взрослый) выявлены фаланги и астрагалы лошади (суммарно – 21), 49 астрагалов крупного рогатого скота и 2 – мелкого рогатого скота [Рослякова, Косинцев 2013, с. 215; табл. 1; 5]. Публикации перечисленных комплексов нам не известны. Кроме того, из упомянутой статьи не ясно, какие именно фаланги лошади находились в захоронениях. Поэтому информация об этих комплексах нами не использовалась.

Итак, как минимум, в 15 захоронениях I фаланги лошади выявлены в составе набора с другими костями конечностей животных. Анализируя данные наборы, можно обратить внимание на то, что путовые кости чаще всего коррелировались с венечными костями лошади. При этом наборы, включавшие, помимо I фаланг лошади, II фаланги данного животного и/или кости конечностей других животных, могли оказываться в захоронениях лиц разного возраста. В частности, нам известны комплексы, где подобные наборы сопровождали умерших с возрастом 1-2, 3, 6, 6-7, 8, 11, 11-12, 25-30 лет и “старца”. Ответить на вопрос, коррелировались ли упомянутые наборы с определенным полом, пока затруднительно. Отметим лишь то, что пол определен только в 2 случаях из 15, и оба раза он являлся женским.

Информация о локализации путовых костей в пределах могильной ямы имеется по 40 комплексам. Можно выделить следующие основные ее варианты:

1. Размещение в головах умершего (4 случая – 10,0%);
2. Нахождение в ногах (5 – 12,5%);
3. Расположение перед умершим (18 – 45,0%), т.ч.:
 - а) у лица (8 – 20,0%);
 - б) перед грудью (9 – 22,5%);
 - в) у колен (4; 10,0%);
4. Локализация за умершим (6 – 15,0%). В т.ч.:
 - а) у затылка (2 – 5,0%);
 - б) у спины (3 – 7,5%);
 - в) у таза (1 – 2,5%).

Еще в 4 захоронениях имели место особые случаи локализации: одна путовая кость находилась в головах, а другая – у колен; одна путовая кость локализовалась у лица, а другая – у стоп; 2 путовые кости размещались поверх скопления кальцинированных костей кремнированного покойника; 2 путовые кости и 2 “фаланги” крупного рогатого скота лежали на бедрах погребенного.

Таким образом, можно сделать вывод, что путовые кости в могилах чаще тяготели к верхней части тела погребенного, чем к нижней (28 случаев против 13). Кроме того, они чаще оказывались перед погребенным, чем за ним (24 случая против 6). Отметим, что аналогичные закономерности демонстрируют размещение в погребениях астрагалов мелких копытных [Цимиданов 2001, с. 216] и локализация сосудов в могильных ямах [Полидович 1997, с. 163, 165]. Очевидно, во всех этих случаях мы сталкиваемся с общими принципами срубной погребальной обрядности.

Применительно к 41 комплексу мы располагаем информацией о взаимном расположении путовых костей и керамической посуды. В 21 захоронении I фаланги тяготели к сосудам. При этом в погребениях из Николаевки, 1/13 и Рассвета I, 1/7 по 1 путовой кости

находилось в самом сосуде. В погребении из Старых Ябалаклов, 90/4 3 путовые кости лежали вплотную к сосуду, “обрамляя” его дно. Аналогичная ситуация имела место в захоронении из Рождествено I, 2/2. Здесь вокруг дна сосуда были уложены 5 I фаланг и 4 II фаланги. В 20 комплексах тяготения путовых костей к сосудам не наблюдалось. В 3 из этих погребений керамики не было вообще, а в 6 – путовые кости, очевидно, были преднамеренно противопоставлены сосуду. Так, в погребении из Николаевки, 3/7 путовые кости были положены у груди умершего, а сосуд поставлен за его спиной. В погребении из Старо-Ябалаклинского могильника, 106/5 путовые кости находились в ногах погребенного, а один из сосудов – у черепа. В погребении из Пролетарки II, 1/5 путовая кость была помещена у затылка умершего, а сосуд – у лица. В погребении из Боголюбовки, 13/5 ситуация была противоположной: путовые кости лежали перед лицом, а сосуд размещался у затылка. В погребении из Масленниково I, 1/3 два сосуда стояли близ колен, а I и II фаланги лошади находились за спиной – у таза. В погребении из Новопокровки 2, 1/22 путовые кости и сосуд располагались у юго-восточной стенки могильной ямы, но – в разных углах.

Авторы некоторых публикаций отмечают, что путовые кости были вертикально установлены на дне могилы. Это имело место, в частности, в захоронении из Ново-Баскаково, 2/3-4, где единственная находившаяся в могиле путовая кость стояла близ сосуда. То же самое наблюдалось в погребении 98 из Смеловки. В погребении из Старых Ябалаклов, 106/5 вертикально стояли 2 из 5 костей. А вот о ситуации, имевшей место в захоронении из Старых Ябалаклов, 106/9, опубликована противоречивая информация. В одной из работ отмечается, что здесь “5 фаланг лошади ... были поставлены вертикально за счет углубления их в материковую почву”¹⁰ [Исмагил и др. 2009, с. 143]. В другой публикации пишется, что упомянутые кости (авторы назвали их “казанками”) лежали (подчеркнуто нами – *В.Ц.*) [Горбунов, Морозов 1991, с. 50]. В целом, можно заметить, что практика вертикального устанавливания путовых костей в могилах проявлялась крайне редко¹¹.

Десять из рассматриваемых погребений демонстрировали знаки высокого ранга – индивидуальный курган (Светлое Озеро, 11/1; Мессер V, 2/1), центральное расположение в кургане (Южный, 1/6), большую могильную яму¹² (Кулатка, 1/7; Мессер V, 2/1; Южный, 1/6), “просторную” яму¹³ (Николаевка, 1/9), сложное могильное сооружение – столбовую конструкцию в могиле (Южный, 1/6), остатки мясной пищи (Набережные Челны, п. 8; Южный, 1/6), бронзовый нож (Южный, 1/6), деревянное блюдо (Южный, 1/6), следы обрядов вне дна могилы в виде костей животных, керамики, кострищ и т.д. (Боголюбовка, 1/3; Николаевка, 3/7; Рассвет I, 1/7; Смеловка, п. 90; Мессер V, 2/1). Таким образом, 20,8% людей из группы II занимали в социумах восточной территории высокое общественное положение. Много это или мало? Для ответа на данный вопрос нужен дифференцированный подход. Из 7 захоронений, где путовые кости бесспорно коррелировались со взрослыми, 3 (42,9%) характеризовались наличием знаков высокого ранга. Для сравнения, соответствующий показатель по всему массиву учтенных нами срубных погребений взрослых восточной территории составляет 43,1%. Из 38 детей и подростков группы II высокий ранг имели 7, т.е. 18,4%. Соответствующий показатель по общему массиву детских и подростковых захоронений восточной территории – 7,2%. Итак, вырисовывается любопытная картина. Лица группы II в детском и подростковом возрасте имели значительно больше шансов быть погребенными с ранговыми знаками, чем их сверстники, но с возрастом эти шансы

¹⁰ При этом ошибочно указано, что погребение происходит из к. 105.

¹¹ Правда, в части случаев вертикально поставленные путовые кости могли опрокинуться, когда обрушилось перекрытие могилы.

¹² К таковым применительно к восточной территории мы относим ямы с площадью 2 м² и более.

¹³ “Просторными” мы называем ямы с площадью, не достигавшей 2 м², но, тем не менее, значительно превосходившей ту, которая являлась бы достаточной для погребения умершего (как правило, ребенка или подростка).

уменьшались. Отсюда правомерен вывод, что люди из группы П на первых этапах своей жизни отличались большой социальной мобильностью, однако, когда они достигали взрослого возраста, их социальная мобильность становилась почти такой же, как и у ровесников.

Интересно сравнить обрисованную ситуацию с той, которую демонстрируют захоронения группы А. На восточной территории среди детей и подростков данной группы высокий ранг имели 19,5%, что весьма близко к показателю по захоронениям детей и подростков группы П. Среди взрослых группы А высокий ранг был у 47,8%. Данный показатель также не сильно отличается от соответствующего показателя по взрослым из группы П. Следовательно, правомерно допустить, что представители группы П, с одной стороны, и представители группы А, с другой, имели примерно одинаковые шансы повысить свой ранг как в детском-подростковом, так и во взрослом возрасте. Добавим, что и сопоставление захоронений групп П и А без разбивки на возрастные группы (см. табл. 2) не показывает существенных различий в степени выраженности основных ранговых знаков в двух массивах.

Некерамический инвентарь, который попадал в захоронения двух сравниваемых групп, во многом различался. Из табл. 3 видно, что в группе А он был значительно более разнообразным. Наиболее существенные различия между группами по составу погребального инвентаря, на наш взгляд, следующие:

1. В группе А довольно высок удельный вес захоронений с жезлами. В погребениях группы П жезлы нам не известны. Отсюда правомерно допущение, что лица из группы П не имели отношения к отправлению властной функции;

2. В группе П значительно выше удельный вес погребений с украшениями, чем в группе А. И только в группе П присутствуют погребения с подвесками из клыков хищников. Возможно, это связано с тем, что в группе П удельный вес лиц женского пола значительно больше, чем в группе А;

3. В погребениях группы А нередко встречаются камни различных пород и изделия из них, а также присутствуют раковины моллюсков. Отмеченное совершенно не характерно для группы П.

Нелишне заострить внимание и на одном существенном сходстве между двумя группами. Обе они демонстрируют близкий удельный вес комплексов, где присутствовала посуда с иррегулярным орнаментом (включая сосуды с т.н. “знаками”) – 8,3% в группе П и 7,1% в группе А.

На **западной территории** срубной общности нам известно 21 погребение с путовыми костями. В 3 случаях данных о возрасте умерших нет. В 18 он установлен в тех или иных пределах. Среди погребенных – 2 были взрослыми (11,1% от 18 захоронений с известным возрастом), 11 – подростками (в т.ч. 5-7, 6-7, 7-14, 12-15 лет и “юного” возраста) и 5 – детьми (в т.ч. – 1,5 и 3-4 лет). Таким образом, удельный вес взрослых в группе П западной территории оказывается несколько меньшим, чем это имеет место на восточной территории (11,1% против 15,6%). Пол умерших из данной группы ни в одном случае не установлен.

Поскольку применительно к захоронениям группы П западной территории “узких” возрастных определений недостаточно, трудно пока выяснить, коррелировались ли путовые кости преимущественно с лицами I средней группы, как это фиксируется для восточной территории. Но, по крайней мере, можно констатировать, что рассматриваемые артефакты чаще попадали в могилы подростков, чем детей и взрослых.

Стоит отметить следующее. На западной территории в группе А удельный вес взрослых намного выше, чем в группе П – 47,5% против 11,1%. Впрочем, более корректно определять этот показатель, учитывая не все известные нам захоронения с астрагалами западной территории, а лишь те, которые происходят из регионов, где обнаружены захоронения с путовыми костями, т.е. Верхнего и Среднего Подонья, Нижнего Подонья, Северо-западного региона, Донбасса и Северного Приазовья. В массиве комплексов группы А, происходящих из 5 перечисленных регионов, удельный вес погребений взрослых – 36,5%,

что все равно существенно превосходит показатель по группе П. Напомним, что в группе А восточной территории удельный вес взрослых составляет 22,9%. Таким образом, по мере продвижения носителей срубной культуры на запад возрастная структура данной группы существенно изменилась. Астрагалы стали коррелироваться со взрослыми значительно чаще, чем это имело место на востоке, причем данная тенденция достигла максимума в самых западных регионах срубной общности. Что же касается группы П, то ее возрастной состав изменился в диаметрально противоположную сторону – увеличился (хотя и несущественно) удельный вес детей и подростков.

Количество путовых костей в погребениях западной территории было различным. В частности, в 9 комплексах их выявлено по 1, в 4 – по 2, в 3 – по 3, в 1 – 4, в 1 – 5 (разного размера, т.е. происходящих от особей различного возраста), в 2 – по 6, в 1 – 7 (снова разного размера). Таким образом, число путовых костей, попадавших в захоронения западной территории, никогда не было большим. Чаще всего, как и на востоке, в могилу клали 1-2 данных предмета. Максимальное количество I фаланг в одном погребении, судя по нашей сводке, достигало 7. Число же астрагалов мелких копытных в погребениях данной территории, напротив, могло являться довольно внушительным: например, – 161 [Ковалева 1990, табл. 1], 186 [Городцов 1907, с. 320]. Сходную картину, как мы помним, показывают и погребальные комплексы восточной территории.

Корреляция числа путовых костей с возрастными группами на западной территории не выглядит столь рельефно, как на востоке. В погребениях взрослых находились 3 и 6 I фаланг, в могилах подростков (в т.ч. 7-14 и 12-15 лет) – 1 (2 случая), 2 (2), 3, 5, 6 и 7, в могилах детей (в т.ч. 1,5, 3-4 и 6-7 лет) – 1 (3), 2 (2) и 3. Возможно, число путовых костей, превосходившее 3, в контексте погребального обряда коррелировалось лишь с подростками и взрослыми, но это нужно проверять на более обширной выборке.

В 4 случаях имело место нахождение I фаланг в одном комплексе с другими костями конечностей животных. Так, в погребении из Александровска, 9/50 обнаружены, судя по описанию захоронения и его плану, 6 путовых костей и, вероятно, 3 астрагала крупного рогатого скота и 5 астрагалов мелких копытных. В погребении из Мелконова I, 1/4 обнаружены путовая и венечная кости лошади, лежавшие в разных местах могилы. В погребении из Майки, 4/3, помимо 2 путовых костей, располагавшихся перед костяком, выявлен 1 астрагал мелкого копытного, находившийся за спиной умершего. В погребении из Ивано-Дарьевки I, 5/30 присутствовали 2 путовые кости, 1 венечная кость лошади и 1 фаланга коровы. Отметим, что трое из умерших (первые 3 захоронения) при этом являлись подростками, в т.ч. 7-14, 12-15 лет и возраста, не выраженного в годах. Четвертый умерший был ребенком 3-4 лет.

Локализация путовых костей в погребениях западной территории демонстрирует почти те же закономерности, что и на востоке. В большинстве случаев интересующие нас артефакты лежали перед костяком. При этом в 11 погребениях они тяготели к верхней части тела умершего – размещались у лица или груди. В 3-х случаях путовые кости лежали у колен. В 1 захоронении путовая кость находилась в головах погребенного. В 1 комплексе 3 путовые кости лежали за спиной покойника. Еще в одном погребении 1 кость находилась в области живота, а 2 – за спиной. Одно погребение являлось, вероятно, вторичным. Здесь 5 путовых костей располагались близ компактно сложенных костей человека. Одно погребение было парным, и 2 путовые кости лежали между умершими – против живота одного из них и, соответственно, за спиной другого. Наконец, по 2 захоронениям данные о локализации рассматриваемых артефактов отсутствуют.

В 12 комплексах путовые кости тяготели к сосуду, в 8 находились в отдалении от него (еще по 1 комплексу данных нет). Отметим и то, что на западной территории ни разу не было зафиксировано вертикальное расположение путовых костей.

Часть погребений группы П рассматриваемой территории (19,0%) демонстрировала знаки высокого ранга умерших (см. табл. 4). При этом из двух взрослых высокий ранг был у

одного (50,0%). Соответствующий показатель по погребениям взрослых из взятой в целом области Верхнего и Среднего Подонья, Нижнего Подонья, Северо-западного региона, Донбасса и Северо-Восточного Приазовья составляет 31,8%.

Из 16 погребений детей и подростков группы П знаки высокого ранга демонстрировали 18,8%, показатель же по общему массиву захоронений детей и подростков рассматриваемой территории – 14,5%.

Выборка погребений группы П по западной территории не очень репрезентативна, а потому делать какие-то выводы из приведенных показателей опасно. Тем не менее, можно допустить, что дети и подростки группы П на западной территории отличались несколько большей социальной мобильностью, чем их сверстники. Однако, положение группы П в обществе было не столь высоким, как группы А. Это видно из того, что в группе А все ранговые знаки выражены сильнее, чем в группе П (см. табл. 4). Впрочем, их более сильная выраженность, в сравнении с массивом П, проистекает, вероятно, из более высокого удельного веса взрослых в массиве А. Если же мы возьмем в расчет лишь погребения детей и подростков группы А, то получим удельный вес лиц высокого ранга около 22,2%, что довольно близко к соответствующему показателю по массиву П. Отсюда можно сделать допущение, что степень социальной мобильности у лиц незрелого возраста в группах П и А была примерно одинаковой. А вот взрослые из группы А имели значительно больше шансов повысить свой ранг, чем взрослые из группы П. Данное допущение подтверждается двумя обстоятельствами:

1. Среди взрослых группы А на территории Верхнего и Среднего Подонья, Нижнего Подонья, Северо-западного региона, Донбасса и Северо-Восточного Приазовья лица низшего ранга составляли 32,3%. Соответствующий показатель по группе П – около 50,0%;

2. Из взрослых группы А упомянутой территории 2 (6,5%) имели высший ранг, что маркируется возведением над их могилами соединительных досыпок [см.: Цимиданов 2004, с. 40)]. В группе П нет ни одного захоронения со знаком высшего ранга.

Сравнивая захоронения групп П и А западной территории, можно заметить существенные различия в наборе погребального инвентаря (см. табл. 5). Они тождественны различиям, которые прослеживаются по материалам восточной территории. В частности, на западной территории с астрагалами коррелируется более разнообразный инвентарь, чем с погребальными костями. Вместе с тем, в группе П более высок удельный вес захоронений с украшениями, чем в группе А (14,3% против 3,7%). И только в группе А выявлены орудия, связанные с производственными процессами – пряслица, шилья, игла. Заметим, что пряслица широко использовались носителями срубной культуры в обрядовых манипуляциях [Цимиданов 1999; 2004, с. 82, 64-85, 87]. Кроме того, в погребениях группы А, помимо астрагалов мелких копытных, игравших заметную роль в культовой практике [Цимиданов 2001, с. 222-228], присутствовали и другие предметы неутилитарного назначения, которые правомерно с той или иной долей вероятности трактовать как атрибуты обрядовой деятельности. Сюда относятся следующие артефакты:

1. Плеть [Цимиданов 2007, с. 219-222];

2. Астрагалы крупного рогатого скота [Подобед и др. 2014, с. 121];

3. Гальки. Судя по этнографическим данным, эти камешки применялись в метеорологической магии [Цимиданов, 2014, с. 115];

4. Зубы человека [Подобед и др. 2013];

5. Птичья кость. Кости и другие части птиц включались в контекст различных обрядов, что демонстрируют материалы срубной и других культур эпохи бронзы [Подобед и др., 2012, с. 45-63];

6. Лопатка животного. Данные предметы встречаются в степных погребениях начиная с эпохи энеолита. По мнению С.Н. Кореневского, они являлись атрибутами “волшебной власти” и использовались для гадания [Кореневский 2011, с. 148, 160]. Семантика лопаток мелкого рогатого скота в срубной культуре специально еще не рассматривалась. Но стоит

обратить внимание на то, что порой эти кости обнаруживаются в местах с повышенным семиотическим статусом, в т.ч. на границах определенных объектов (см., например: [Антипина 2004, с. 196]). Локализация некоторых из лопаток на упомянутых границах свидетельствует о том, что в контексте определенных обрядовых манипуляций лопатки могли играть роль медиаторов;

7. Раковины моллюсков [Цимиданов 2009];

8. Кремни [Цимиданов 2004, с. 56].

Вероятно, к обрядовым атрибутам могут быть отнесены также флейты [Синюк 1996, с. 294-295, 297; Цимиданов 2004, с. 57]. Возможно, с обрядовой сферой были связаны и костяные трубки. Л.Л. Галкин, обосновывая использование части данных изделий в качестве приспособлений для доения, допустил с опорой на этнографические параллели, что такие трубки могли класться в могилы колдунам, которые при жизни с помощью магических и практических действий восстанавливали лактацию скота [Галкин 1975, с. 189-190]. Если трубки, коррелировавшиеся с астрагалами в учтенных нами захоронениях, использовались для доения¹⁴, то гипотезу Л.Л. Галкина вполне можно принять, поскольку доение в определенных ситуациях выступало как сакральная операция (см., например: [Колева 1978, с. 26-27]). В частности, это фиксируют изображения на пекторали из скифского кургана Толстая Могила [Мозолевский 1979, рис. 73, 74]. Фриз пекторали, в составе которого находится сцена доения, связан с представлениями о плодородии и приумножении скота [Раевский 1978, с. 131].

В погребениях группы П неутилитарные предметы для обрядовых манипуляций также присутствуют. К ним можно отнести астрагалы мелких копытных, выявленные в 2 захоронениях и, вероятно, фалангу коровы, бывшую в 1 погребении. Заслуживает внимания следующее:

1. В массиве П западной территории удельный вес погребений, содержащих сосуды с иррегулярным орнаментом, составляет 4,8%. Соответствующий показатель по восточной территории – 8,3%. Таким образом, корреляция путовых костей с отмеченным орнаментом несколько ослабевает с востока на запад. Для сравнения, в группе А наблюдается противоположная картина: на востоке, по нашим подсчетам, рассматриваемый показатель составляет 7,1%, а на западе – 14,6%;

2. В группе П западной территории несколько выше, чем на востоке, удельный вес детей и подростков – 88,9% против 84,4%. Ситуация в группе А, как мы помним, принципиально иная.

Из двух отмеченных фактов правомерно сделать допущение, что представления, связанные с путовыми костями, по мере движения носителей срубной культуры на запад подвергались трансформации.

Заострим внимание на еще одном факте. С востока на запад происходит увеличение удельного веса взрослых не только в группе А, но и в массивах погребений с некоторыми другими категориями инвентаря, имевшими отношение к обрядовой сфере. Это демонстрируют, в частности, погребения, содержавшие сосуды со “знаками” [Захарова 2000, с. 52], плети [Цимиданов 2007, табл.] и раковины моллюсков [Цимиданов 2009, с. 70]. Здесь мы сталкиваемся с любопытной ситуацией. Суть ее в том, что на западной территории срубной общности взрослые стремились “монополизировать” некоторые знаки, соотносившиеся на востоке преимущественно с детьми и подростками. Что за этим стоит, не ясно, но для нашего исследования важно то, что на сферу манипуляций с путовыми костями лошади взрослые мало посягали. Отсюда можно предположить, что эта сфера была менее

¹⁴ Впрочем, как любезно сообщил нам А.Н. Усачук, подвергший трасологическому анализу серию подобных трубок, доказать или, напротив, опровергнуть гипотезу Л.Л. Галкина крайне сложно. Дело в том, что на части трубок есть следы лощения, но вследствие чего они возникли, установить пока не удается [Усачук 1999, с. 76].

общественно значимой и престижной, чем, например, сфера, в которой использовались астрагалы.

В культовой практике срубного населения путовые кости лошади играли значительно меньшую роль, чем астрагалы мелких копытных. Во-первых, как констатировалось выше, путовые кости попадали в захоронения намного реже, чем астрагалы. Во-вторых, путовые кости практически не известны в культовых комплексах срубных поселений. Заметим, что нами были проанализированы данные о 500 таких комплексах, выявленных на поселениях срубной культуры от Южного Урала до Поднепровья. В некоторых из комплексов путовые кости присутствовали, но практически во всех случаях они попали в контекст данных комплексов не сами по себе, а будучи в составе частей конечностей животных¹⁵. Возможно, исключением из данного правила является жертвенник поселения Богуслав Днепропетровской обл. Он представлял собой подпрямоугольную площадку, сооруженную из глины с примесью песка. На площадке была устроена “вымостка” из костей животных. При этом пространство между крупными костями заполнялось обломками костей, астрагалами, копытами, путовыми и венечными костями [Ромашко 1993, с. 82, 84].

Для сравнения, астрагалы мелких копытных оказывались в культовых поселенческих комплексах значительно чаще. Нам известно 15 комплексов с данными артефактами [Ромашко 1993, с. 84; 2013, рис. 14; Горбов, Мимоход 1999, с. 27, 29, 31; Изотова 2000, с. 121; Потапов 2000, с. 23; Антипина 2004, с. 200, 201; Мыськов, Лапшин 2007, с. 26; Сунгатов, Бахшиев 2008, табл.].

Вопрос о семантике путовых костей в контексте погребального обряда срубной культуры, пожалуй, еще более сложен, чем вопрос о семантике астрагалов мелких копытных. Во всяком случае, есть немало этнографических и фольклорных данных об обрядовом использовании астрагалов народами иранской группы, к которой, скорее всего, принадлежали и носители срубной культуры [см., например: Цимиданов 2001, с. 222-223]. А вот каких-либо этнографических или фольклорных данных о манипуляциях с путовыми костями лошади в иранских культурах нам найти не удалось. Это очень затрудняет выяснение семиотического статуса интересующих нас артефактов. В данной связи стоит коснуться интересной гипотезы, высказанной В.А. Лопатиным. Исследователь детально, тщательно и по самым разным параметрам проанализировал учтенные им погребения с путовыми костями и выявил ряд закономерностей. На основании данных закономерностей автор сделал вполне обоснованный вывод, что путовые кости в контексте погребального обряда срубной культуры являлись “обрядовым признаком”, который обладал “собственной знаковой, сугубо сакральной символикой” [Лопатин 2010, с. 130]. Возникает, однако, вопрос: какой символикой?

Уже в начале раздела монографии В.А. Лопатина, посвященного анализу захоронений с путовыми костями, можно найти тезис о связи этих артефактов с “трансферной коммуникативностью” [Лопатин 2010, с. 130]. Упомянутая “коммуникативность”, по мнению исследователя, была направлена на “сакральный контакт с предками” [Лопатин 2010, с. 126]. Контакт преследовал цель “доставить просьбу” с помощью “корреспондента” [Лопатин 2010, с. 129]. Действительно, использование умерших в качестве таких “корреспондентов” допускалось верованиями многих народов. В частности, как показали Е.В. Антонова и Д.С. Раевский, шумеры, древние индийцы и фракийцы рассматривали некоторых покойников как посланцев, способных доставить богам и предкам жертвы, принесенные людьми [Антонова, Раевский 1984, с. 165]. А у народов нового и новейшего

¹⁵ На это обращали внимание и другие исследователи. Например, как любезно проинформировал нас В.Н. Горбов, на поселениях Безыменное I, II, Камышевская VIII, XIV, Раздольное и Широкая Балка II, где под его руководством были вскрыты большие площади и выявлены десятки культовых комплексов, никогда путовые кости лошади не являлись самостоятельными компонентами данных комплексов.

времени широко бытовала (а местами бытует и до сих пор) вера в то, что с помощью усопшего можно передать близким, умершим ранее, какие-нибудь вещи. Например, это зафиксировано у коми [Лискевич 2012, с. 127], хантов и манси [Соколова 1980, с. 138; Косарев 2010, с. 44; Молодин 2012, с. 155], теленгитов [Дьяконова 1980, с. 104], хакасов [Бурнаков 2008, с. 255], чувашей [Косарев 2010, с. 44], украинцев [Боряк 2012, с. 82], русских [Носова 1999, с. 172, 198; Бурцев 2002, с. 234-235]. Таким образом, практика передачи даров и просьб обитателям иного мира с помощью покойников вполне могла иметь место и у племен эпохи бронзы. Добавим, что рассматриваемая гипотеза в последние годы привлекала внимание не только В.А. Лопатина, но и других археологов [см., например: Иванова 2011, с. 64; Берестнев 2012, с. 12; Молодин 2012, с. 155].

Разрабатываемая В.А. Лопатиным гипотеза о существовании в срубной культуре практики “трансферной коммуникативности”, на наш взгляд, довольно перспективна. Вероятно, некоторые особенности погребального обряда, действительно, могут объясняться тем, что лица, совершавшие погребение усопшего, стремились с помощью него установить контакт с представителями высших сил. Но при этом “адресатами” не обязательно могли являться предки. Ими могли быть и божества или даже демоны.

Рассматривая семантику путовых костей, В.А. Лопатин предположил, что данные предметы “символизировали образы уже умерших родителей или более дальних пращуров” [Лопатин 2010, с. 148]. Аналогичные гипотезы (правда, применительно не к срубной, а к некоторым другим культурам) высказывались и раньше. В частности, С.С. Черников, публикуя путовую кость с просверленными в ней отверстиями, найденную на поселении эпохи поздней бронзы Усть-Нарым (Казахстан), назвал ее “антропоморфной фигуркой из бабки лошади”. Исследователь отметил: “Этот предмет так и остался бы неизвестного назначения, если бы не находка М.П. Грязновым в 1953 г. на поселении карасукского времени в Ирмени такой же бабки с отверстиями, в одном из которых сохранилась вставленная в него пастовая бусина, изображавшая глаз. Это – антропоморфные фигурки, идольчики, типа домашних женских духов у северных китайцев” [Черников 1960, с. 38]. Вероятно, интерпретация С.С. Черникова была навеяна идеями М.П. Грязнова, воспринятыми в ходе непосредственного общения. Сам же М.П. Грязнов озвучил гипотезу, согласно которой путовая кость из Ирмени может являться антропоморфной фигуркой, несколько позже. Он сопоставил упомянутый артефакт с т.н. “эменгедерами” алтайцев, изображающими “божков или духов”, но при этом уточнил, что эменгедеры изготавливались не из конских бабок, а из деревянных брусочков или набитых травой и паклей мешочков. Исследователь отметил, что хакасские и казахские девочки играли в куклы, представлявшие собой “конские бабки”, наряженные в сшитые для них платья. Относительно данных кукол М.П. Грязнов допустил: “Возможно, это связано с культом женского божества” [Грязнов 1962, с. 27]. Идея М.П. Грязнова о связи некоторых путовых костей с культовой практикой и в т.ч. культом женских божеств встретила поддержку у ряда авторов [Членова 1976, с. 82; Деревянко 1978, с. 123; Матвеев 1993, с. 37-38; Кидиекова, Кустова 2012, с. 215-217]. И.К. Кидиекова и Ю.Г. Кустова привели новые аргументы в ее защиту – данные о неутилитарном использовании путовых костей лошади хакасами. Отталкиваясь от этих данных, исследовательницы констатировали: “Таким образом, конская бабка (лодыжка) служила защитницей семейного очага, рода, племени, скота и т.д., была своеобразным фетишем, идолом, женским божеством, предком, бабушкой *Хуртуях* и относилась к культовым предметам, обеспечивающим счастье, здоровье потомства, благополучие семьи” [Кидиекова, Кустова 2012, с. 216-217]. Сведения об использовании хакасами конских бабок в качестве культовых предметов весьма интересны, но, как нам представляется, едва ли могут помочь выяснить знаковую нагрузку путовых костей из комплексов срубной культуры. И дело даже не в том, что хакасские материалы очень далеки от срубных в хронологическом, культурном и этническом планах. Важнее другое. Допускать близость семантики вещей, происходящих из разных культур, корректно лишь тогда, когда в этих культурах данные

предметы попадали в тождественные контексты. Например, срубники использовали астрагалы для игр [Цимиданов 2004, с. 53-54]. То же практиковали монголы [Цимиданов 2004, с. 77]. На поселениях срубной культуры выявлены скопления астрагалов, которые были целенаправленно закопаны [Горбов, Мимоход 1999, с. 29]. Хакасы и тувинцы также зарывали астрагалы в землю, причем делали это с культовой целью [Липский 1966, с. 116; Дьяконова 1988, с. 165; Львова и др. 1989, с. 68]. Отсюда, на наш взгляд, вполне правомерно при трактовке комплексов с астрагалами срубной культуры опираться на монгольские, хакасские и тувинские материалы. Но ситуация с неутилитарным применением путовых костей лошади в культуре хакасов отличается от той, которую демонстрируют срубные памятники. Хакасы использовали путовые кости в домашних обрядах [Кидиекова, Кустова 2012, с. 216-217]. А в срубной культуре, как отмечалось выше, данные предметы попадали почти исключительно в захоронения и в культовых комплексах поселений практически не встречаются. Таким образом, путовые кости лошади в срубной культуре, с одной стороны, и культуре хакасов, с другой, использовались в обрядах разных блоков и, соответственно, опора на хакасские материалы при выяснении знаковой нагрузки интересующих нас артефактов из срубных комплексов не корректна.

Возвращаясь к гипотезе В.А. Лопатина, согласно которой путовые кости лошади в срубной культуре символизировали умерших родителей или “пращуров”, отметим, что автор подкрепил свою идею следующими тремя доводами:

1. Путовые кости, поставленные вертикально, напоминают сидящие человеческие фигуры;

2. В этимологии слова “бабка” “содержится глубокий семантический смысл”, указывающий на связь данной кости с предками и женскими божествами;

3. На памятниках эпохи неолита и энеолита встречаются “орнаментированные и антропоморфизированные конские фаланги..., символизировавшие высшие женские божества неолитической эпохи” [Лопатин 2010, с. 148].

По поводу первого довода заметим, что один и тот же предмет может вызывать разные ассоциации у представителей разных культур и, более того, – даже у людей одной культуры при попадании этого предмета в разные контексты. Ограничимся лишь одним примером. У эвенков “бабки”¹⁶ оленя использовались в качестве кукол [Павлинская 1988, с. 241]. Вместе с тем, во многих играх они воплощали оленя [Павлинская 1988, с. 237-238]. При этом бабки, изображавшие людей, обязательно должны были быть одетыми, а те, которые обозначали животных, не наряжались [Варламова 2006, с. 31]. Словом, носители срубной культуры могли, подобно В.А. Лопатину, считать путовые кости символами неких антропоморфных персонажей, а могли видеть в них лошадей по принципу *pars pro toto*. В данной связи уместно сослаться на любопытное изделие из I фаланги лошади, выявленное в слое финала бронзового века на поселении Зливки Донецкой обл.¹⁷ (рис. 1, 2). В широкой части фаланги с двух сторон были сделаны углубления, которые “превратили” кость в изображение головы животного (лошади?). Данный пример очень ярко свидетельствует в пользу того, что у народов древности путовые кости отнюдь не обязательно ассоциировались с сидящими человеческими фигурами. Напомним, кстати, о том, что в срубных погребениях I фаланги стояли вертикально лишь в единичных случаях (Ново-Баскаково, 2/3-4, Смеловка, п. 98, Старые Ябалаклы, 106/5), причем это зафиксировано исключительно на восточной территории срубной общности.

Комментируя второй довод, стоит напомнить, что название “бабка”, используемое применительно к путовым костям, не обязательно уводит нас в культы предков. Так, в известном толковом словаре русского языка, составленном В.И. Далем, приведено немало значений слова “бабка”. В частности, этим словом именовали разнообразные предметы (в

¹⁶ Путовые кости.

¹⁷ Автор искренне благодарен М.Л. Швецову за разрешение опубликовать данный артефакт.

основном, вертикальные) – столбики, ножки, подставки под рычаги, стойки под перила, наковаленки для мелкой ковки, колышки в некоторых играх, пни, коренные зубы, застежки, запонки и т.д. [Даль 1978, с. 33]. Снопы ржи или льна, поставленные на земле после жатвы или дерганья, в отдельных регионах также назывались бабками [Словарь ... 1950, с. 237]. Бабка – это еще и деталь некоторых станков [Краткий политехнический словарь 1956, с. 77]. Таким образом, в случае с путовыми костями название “бабка” не может быть аргументом в семантическом поиске.

Третий довод – присутствие на памятниках неолита и энеолита “орнаментированных и антропоморфизированных” путовых костей – тоже не является бесспорным. Хотя I фаланги лошади в упомянутую эпоху, действительно, могли изображать женские фигурки [Куприянова 2008, с. 87] и к тому же быть связанными с культом женского божества [Кореневский 2011, с. 160-161; Лопатин, Порхунова 2011], следует учесть, что к началу бронзового века традиция изготовления из путовых костей фигурок с подчеркнутыми женскими признаками уже пресеклась. За этими изменениями в изобразительности, очевидно, стоит трансформация религиозных верований и, в частности, – оттеснение женских божеств на второй план мужскими. Отмеченную трансформацию отражают, в частности, материалы позднего Триполья и ямной культуры [Кореневский 2011, с. 153]. Отсюда ссылаться на “феминизированные” путовые кости эпохи неолита и энеолита при трактовке артефактов эпохи поздней бронзы не вполне правомерно. Слишком уж много веков разделяют данные эпохи. Тем более, что археологические материалы срубной культуры не демонстрируют каких-либо ярких проявлений культа женских божеств. Конечно, нельзя отрицать того, что такие божества занимали определенное место в “пантеоне” срубников [см., например: Цимиданов 2012]). Тем не менее, памятники изобразительности срубной культуры, известные нам, воплощают исключительно персонажей мужского пола [Горбов, Усачук 1993, с. 118-120; Кузнецова, Седова 1991, с. 176-177; Горбов, Мимоход 1999, с. 44].

Таким образом, интересная гипотеза В.А. Лопатина, которая, несомненно, станет фактом историографии, нуждается в более надежной аргументации. Но какую гипотезу можно предложить взамен? Поскольку объяснительных моделей в этнографии и фольклоре иранских народов применительно к путовым костям лошади нам найти не удалось, имеет смысл отталкиваться от самих артефактов и комплексов, в которых они выявлены.

Прежде всего отметим, что в срубной культуре путовые кости порой использовались в подвешенном состоянии. Об этом свидетельствуют характерные следы лощения на артефакте из Лузановки IV, 1/8 [Лебедева (Овчинникова) 2008, с. 195]. Здесь уместно вспомнить идею Н.Л. Членовой, согласно которой следует различать “бабки-куклы” и “бабки-подвески”. В разряд первых исследовательница включила путовые кости без отверстий, известные в детских андроновских захоронениях [Членова 1976, с. 82]. Ко вторым Н.Л. Членова отнесла I фаланги с просверленными отверстиями, выявленные на поселениях Ирмень I и Усть-Нарым, а также – в ирменском захоронении могильника Змеевка, где интересующий нас предмет входил в состав ожерелья и при этом дополнялся бронзовыми пронизями и подвеской из резца марала [Членова 1976, с. 82, 87]. Таким образом, в некоторых культурах Азии эпохи поздней бронзы путовые кости могли выступать в качестве носимых на теле амулетов. Не исключено, что и в срубной культуре использовались подобные подвески-амулеты из I фаланг.

Для понимания семантики путовых костей в срубной культуре очень важен тот отмечавшийся выше факт, что эти кости в срубных погребениях довольно часто коррелировались с венечными костями лошади и/или суставами конечностей других животных (мелких и крупных копытных). На восточной территории это демонстрируют, как минимум, 31,3% учтенных комплексов с I фалангами, а на западной – 19,1%. Что могло обусловить появление подобных “текстов”? Что было общим в знаковой нагрузке упомянутых костей? Скорее всего, общим было то, что эти артефакты являются костями

животных. Но определенные кости животных (чаще всего – фаланги конечностей, режы – зубы и челюсти) во многих культурах символизировали соответствующих животных. Это имело место, например, в детских играх¹⁸ и культовой практике народов Сибири и Средней Азии [Липский 1966, с. 116; Павлинская 1988, с. 229-230, 237-238; Ботякова 1991, с. 36; Молодин, Ефремова 1998, с. 305-306; Буксикова 2002, с. 94; Кидиекова, Кустова 2012, с. 216; Назаркин 2013, с. 95]¹⁹. Аналогичная информация есть и по индейцам Южной Америки [Фреч 1979, с. 117]. Широкий территориальный разброс данных представлений позволяет допускать их обусловленность общечеловеческими особенностями восприятия. Отсюда правомерно предполагать, что в рассмотренных “текстах” из срубных погребений путовые кости лошади также могли выступать как символы этого животного. Наше предположение тем более вероятно, что для обрядовой практики срубной культуры характерна яркая выраженность принципа *pars pro toto* [Лопатин 2004, с. 20]. Самым поразительным из проявлений данного принципа в этой культуре является то, что напутственная пища, помещавшаяся в погребения, иногда заменялась костями, с которых предварительно было срезано мясо [Рослякова 2013, с. 207]. Так что, замена животных их костями в ходе обрядов – вполне в духе срубной “ментальности”.

Здесь, однако, возникает вопрос: почему путовые кости лошади оказывались в погребениях? Наиболее вероятными ответами на него являются, по нашему мнению, три:

1. Путовые кости олицетворяли лошадей, которыми, как предполагалось, будет владеть усопший в потустороннем мире;
2. Данные артефакты были символической жертвой, адресованной обитателям иного мира;
3. Рассматриваемые предметы кодировали просьбы людей о ниспослании обилия лошадей, обращенные к предкам или иным представителям высших сил.

Отдать предпочтение какому-либо из трех вариантов мы пока затрудняемся.

Подводя итог предпринятому нами поиску, можно отметить, что манипуляции с путовыми костями лошади играли определенную роль в обрядности населения срубной общности. Эта роль была менее существенна, чем та, которую носители срубной культуры отводили астрагалам мелких копытных. В частности, путовые кости лошади включались в контекст, главным образом, погребальных церемоний, но в поселенческих обрядах они практически не использовались. Словом, семиотический статус данных предметов был значительно ниже, чем у астрагалов мелких копытных. Возникает впечатление, что путовые кости использовались, главным образом, как символические заменители лошадей. Возможно, дальнейшее накопление источников позволит реконструировать и другие аспекты их знаковой нагрузки.

¹⁸ Обращение к детским играм в нашем случае вполне корректно, поскольку игры вообще и детские в том числе, как правило, являются отголосками древних обрядов и магических действий [Цивьян 1988; Тайлор 1989, с. 71-73; Сагалаев, Октябрьская 1990, с. 131; Зогович 2009, с. 57; и др.].

¹⁹ Отголосками данной символики является, вероятно, использование на Русском Севере термина “бык” применительно к таранной кости, которая в ходе игры упала вогнутой поверхностью кверху, и словосочетания “быков катать” для именованя самой игры [см.: Морозов, Слепцова 2004, с. 656].

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК УЧТЕННЫХ ПОГРЕБЕНИЙ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ С ПУТОВЫМИ КОСТЯМИ ЛОШАДИ

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

Челябинская обл.

1. Спасское I, 1/9 [Стоколос 1972, с. 161]. В погребении обнаружены “бабки лошади”. План его в публикации отсутствует;
2. Спасское I, 4/6 [Стоколос 1972, с. 163]. В погребении обнаружены “лошадиные бабки”. План его отсутствует;

Башкортостан

3. Николаевка, 1/3 [Исмагил и др. 2009, с. 15]. По определению Р.М. Сатаева, в погребении находились I и II фаланги лошади [Сатаев 2009, с. 214];
4. Николаевка, 1/9 [Исмагил и др. 2009, с. 18]. В описании комплекса говорится о “фалангах” лошади. Судя по плану погребения, это – путовая кость и венечная кость, сочлененная с копытом [Исмагил и др. 2009, рис. 8, I];
5. Николаевка, 1/13 [Исмагил и др. 2009, с. 21-22]. В публикации говорится о присутствии в погребении путовых костей лошади;
6. Николаевка, 3/7 [Исмагил и др. 2009, с. 33]. Авторы публикации пишут, что в могиле находились “фаланги крупного животного”. Судя по плану погребения, это – путовые кости лошади [Исмагил и др. 2009, рис. 24, I];
7. Ново-Баскаково, 2/3-4 [Збруева, Тихонов 1970, с. 69]. В публикации говорится о “фаланге” лошади, стоявшей вертикально. Велика вероятность, что это – путовая кость, ибо прочие фаланги лошади если и попадали в погребения, вертикально не устанавливались;
8. Старые Ябалаклы, 90/4 [Горбунов, Морозов 1991, с. 43]. Авторы пишут, что в захоронении обнаружены “три казанка (альчики)”. Судя по плану погребения, 2 из этих артефактов, скорее всего, являются путовыми костями лошади [Горбунов, Морозов 1991, рис. XXXIII, 7];
9. Старые Ябалаклы, 106/5 [Горбунов, Морозов 1991, с. 50]. В публикации фигурируют “пять казанков”. Судя по плану погребения, это – 4 путовые кости лошади плюс, возможно, венечная фаланга лошади [Горбунов, Морозов 1991, рис. XLI, б];
10. Старые Ябалаклы, 106/9 [Горбунов, Морозов 1991, с. 50]. В публикации упомянуты “пять казанков (альчики)”. Судя по плану погребения, это – 5 путовых костей лошади [Горбунов, Морозов 1991, рис. XLIII, I];

Оренбургская обл.

11. Боголюбовка, 1/3 [Моргунова и др. 2014, с. 10; Хохлов 2014, табл. 9]. В публикации захоронения сказано, что в могиле выявлены “три путовые кости и бабка лошади” [Моргунова и др. 2014, с. 10]. Н.В. Рослякова приводит несколько иную информацию: рассматриваемых костей в погребении было не 4, а 3, в т.ч. I фаланга из левой передней конечности, I и II фаланги из левой задней конечности (кости 2 разных взрослых лошадей). На II фаланге имеются следы целенаправленного вырезания ее из конечности [Рослякова 2014, с. 159];
12. Боголюбовка, 1/5 [Моргунова и др. 2014, с. 13; рис. 5, 7; Хохлов 2014, табл. 9]. На плане погребения изображена путовая кость лошади, но в описании комплекса она не упомянута. По определению Н.В. Росляковой, это – I фаланга из правой передней конечности взрослой особи. На кости имеются следы вырезания ее из конечности [Рослякова 2014, с. 159-160];

13. Боголюбовка, 13/5 [Моргунова и др. 2014, с. 78-79; Хохлов 2014, табл. 9]. По определению Н.В. Росляковой, в захоронении находились две I фаланги из левой передней и левой задней конечностей двух лошадей (особь возрастом около 1 года и полувзрослая особь, достигшая размеров взрослого животного). На обеих костях имеются порезы – следы вырезания данных костей из конечностей [Рослякова 2014, с. 162];

14. Пролетарка II, 1/5 [Халяпин, Богданов 1999, с. 80]. В статье говорится о том, что в захоронении выявлен “сустав лошади”. План погребения позволяет установить, что в могиле присутствовали сочлененные путовая и венечная фаланги [Халяпин, Богданов 1999, рис. 8, 3];

15. Уранбаш, 9/6 [Моргунова 1999, с. 62]. В статье говорится об “альчиках лошади”. Судя по плану погребения, среди данных костей были, по меньшей мере, 2 путовые кости [Моргунова 1999, рис. 7, 4];

Самарская обл.

16. Богородское I, 4/5 [Лифанов 2010, с. 116]. Автор отмечает, что в захоронении выявлена “кость животного (бабка)”. По плану погребения видно, что это – путовая кость лошади [Лифанов 2010, рис. 8, 5];

17. Богородское I, 4/8 [Лифанов 2010, с. 117]. В публикации сказано о двух “фалангах лошади”. По плану погребения видно, что это – путовые кости лошади [Лифанов 2010, рис. 8, 8];

18. Киевка, 1/6 [Ватазина 1977, с. 85]. В статье говорится о “бабках животного” [Ватазина 1977, с. 85]. Судя по плану погребения, по крайней мере, одна из костей являлась путовой костью лошади [Ватазина 1977, рис. 1, 7];

19. Лузановка, 8/5 [Васильев 1977, с. 19-20]. Согласно автору публикации, в могиле выявлены “несколько костей животного”. В.А. Лопатин отметил, что, судя по плану погребения, это были две I и две II фаланги лошади [Лопатин 2010, с. 138]²⁰;

20. Лузановка IV, 1/3 [Лебедева (Овчинникова) 2008, с. 192-193]. В публикации сказано, что в могиле находились 64 “кости суставов ног животных”. Судя по плану погребения, среди них были и путовые кости лошади [Лебедева (Овчинникова) 2008, рис. 2, 4];

21. Лузановка IV, 1/8 [Лебедева (Овчинникова) 2008, с. 195, рис. 5, 2, 4]. В захоронении, как отмечает автор, выявлена путовая кость лошади;

22. Масленниково I, 1/3 [Мышкин, Кузьмина 2012, с. 299-300; Рослякова, Косинцев 2012, с. 360]. В статье Н.В. Росляковой и П.А. Косинцева указано, что в захоронении находились I и II фаланги от правой задней конечности лошади. На них имеются следы порезов;

23. Просвет I, 8/2 [Колев и др. 2012, с. 265; Рослякова, Косинцев 2012, с. 361]. В статье Н.В. Росляковой и П.А. Косинцева указано, что в захоронении находились три I фаланги трех взрослых лошадей, в т.ч. 1 правая передняя, 1 левая передняя и 1 левая задняя. На них имеются следы порезов. Правда, данные артефакты ошибочно приписаны к п. 1 этого кургана;

24. Рассвет I, 1/7 [Васильева и др. 2009, с. 126-127; Хохлов 2009, с. 137-138]. В публикации говорится о присутствии в погребении I фаланги лошади;

25. Рождествено I, 2/2 [Крамарев, Кузьмина 2012, с. 87; Рослякова, Косинцев 2012, с. 358]. В статье Н.В. Росляковой и П.А. Косинцева указано, что в захоронении находились пять I фаланг лошади, в т.ч. 2 правых передних, 2 левых передних и 1 правая задняя, а также четыре II фаланги – 1 правая передняя, 2 левых передних и 1 правая задняя;

²⁰ В.А. Лопатин полагает, что путовые кости находились и в погребении из Лузановки, 15/10 [Лопатин 2010, с. 138]. Однако, план погребения таков, что уверенности в этом быть не может [Васильев 1977, рис. 16, 8].

26. Рождествено I, 3/2 [Крамарев, Кузьмина 2012, с. 92-93; Рослякова, Косинцев 2012, с. 358]. В статье Н.В. Росляковой и П.А. Косинцева указано, что в захоронении находились две I фаланги лошади;

27. Спиридоновка II, 1/8 [Кузнецов, Мочалов 1999б, с. 64-65]. В статье фигурирует “бабка”. По плану погребения видно, что это – путовая кость лошади [Кузнецов, Мочалов 1999б, рис. 10, I];

28. Спиридоновка IV, 2/2 [Кузнецов, Мочалов 1999а, с. 221; Лопатин 2010, табл. 1]. В публикации сказано, что в могиле были 8 фаланг лошади от 3 особей, в т.ч.: от одной особи – I и II левые передние, II правая передняя, I левая задняя, II правая задняя; от второй особи – I и II правые передние; от третьей особи – I левая задняя;

Татарстан

29. Набережные Челны, п. 8 [Казаков 1972, с. 83]. В статье пишется, что в погребении были три “бабки лошади”. Судя по плану погребения, по крайней мере, две из них являлись путовыми костями [Казаков 1972, рис. 3];

Саратовская обл.

30. Авиловский (вторая группа), 5/6 [Лопатин 2010, с. 137]. В погребении обнаружены “конские бабки”. Скорее всего, это – путовые кости;

31. Букатовка I, 5/3 [Ляхов 1994, табл.]. В могиле, как пишет автор, выявлены путовые кости лошади;

32. Золотая Гора, 6/5 [Юдин, Матюхин 2006, с. 35-36]. В публикации говорится о путовых костях лошади;

33. Кулатка, 1/3 [Ляхов 2009, с. 21]. Автор сообщает, что в захоронении была “путовая (метаподия) кость лошади”. Судя по плану погребения, путовая кость, действительно, присутствовала в данном захоронении [Ляхов 2009, рис. 2, 3];

34. Кулатка, 1/7 [Ляхов 2009, с. 22-23]. Согласно тексту статьи, в захоронении были “путовые (метаподии) кости лошади” от трех (?) особей. Судя по плану погребения, в нем, действительно, наряду с другими костями, выявлены путовые кости лошади [Ляхов 2009, рис. 4, I];

35. Кулатка, 1/8 [Ляхов 2009, с. 21]. Автор пишет, что в погребении находились “путовые (метаподии) кости лошади”. Судя по плану погребения, там, действительно, были путовые кости [Ляхов 2009, рис. 4, 7];

36. Макаровка G1/4 [Лопатин 2010, с. 136]. Как утверждает В.А. Лопатин, в захоронении присутствовала путовая кость лошади;

37. Мессер V, 2/1 [Лопатин, Четвериков 2007, с. 27-28]. В погребении находилась, согласно авторам, путовая кость лошади;

38. Мирный 3, 4/15 [Захариков, Цыбрий 2009б, с. 132]. Авторы публикации пишут о присутствии в погребении 15 “астрагалов”. В.А. Лопатин уточняет, что там было по 7 I и II фаланг лошади [Лопатин 2010, с. 138];

39. Новопокровка 2, 1/22 [Юдин 2009, с. 147-148]. В захоронении находились, согласно автору публикации, 11 путовых костей лошади;

40. Ново-Яблоновка, 1/3 [Африканов 2010, с. 126; Хохлов 2010, табл. 1]. Автор публикации пишет о присутствии в захоронении 2 путовых костей лошади;

41. Светлое Озеро, 11/1 [Жемков, Лопатин 2008, с. 169]. В могиле находились “лошадиные бабки”. Судя по плану погребения, это были путовые кости [Жемков, Лопатин 2008, рис. 9, б];

42. Смеловка, п. 15 [Лопатин 2010, с. 20]. В могиле была, по сведениям автора, путовая кость лошади;

43. Смеловка, п. 25 [Лопатин 2010, с. 22]. В могиле выявлена, как отмечает автор, путовая кость лошади;

44. Смеловка, п. 90 [Лопатин 2010, с. 41-42]. В захоронении обнаружены, по данным автора, путовые кости лошади;

45. Смеловка, п. 98 [Лопатин 2010, с. 43-44]. Автор отмечает, что в погребении выявлена путовая кость лошади;

46. Смеловка, п. 109 [Лопатин 2010, с. 20]. В могиле, как сообщает автор, находилась путовая кость лошади;

47. Чапаевка, 2/1 [Жемков, Лопатин 2007, с. 95]. В погребении были, согласно авторам, путовые кости лошади;

48. Южный, 1/6 [Захариков, Цыбрий 2009а, с. 101]. Авторы пишут о “лошадиной бабке”. План погребения не опубликован, но велика вероятность, что это – путовая кость;

Волгоградская обл.

49. Неткачево, 13/5 (Среднее Подонье) [Дьяченко и др. 2006, с. 111]. Согласно авторам, в погребении находился “астрагал крупного животного (лошади или коровы)”. Судя по плану погребения, это – путовая кость лошади [Дьяченко и др. 2006, рис. 20, 2];

50. Первомаевский VIII, 8/1 (Нижнее Подонье) [Мамонтов 2001, с. 186]. В публикации упомянуты “бабки лошади”. В.А. Лопатин отметил, что, судя по плану погребения, это – путовые кости [Лопатин 2010, с. 135];

Воронежская обл.

51. Ильмень, 6/2 [Качалова 1970, с. 17]. Автор пишет о “лошадиных бабках”. Судя по плану погребения, это – путовые кости [Качалова 1970, рис. 10, 1];

52. Острая Могила, 1/1 [Бойков 1989]. Как пишет автор, в погребении были путовые кости лошади;

Ростовская обл.

53. Мелконов I, 1/4 (Донбасс) [Прокофьев, Прокофьева 2009, с. 189-190]. В публикации говорится о I и II фалангах лошади;

54. Отрадное, 2/4 (Северо-Восточное Приазовье) [Рогудеев 2005, с. 143]. Автор отмечает присутствие в захоронении I фаланги лошади.

55. Почтовый II, 1/13 (Донбасс) [Посегун 2009, с. 70]. В публикации сказано о I фаланге правой передней ноги лошади;

56. Таврия II, 1/6 (Северо-Восточное Приазовье) [Ларенок 1998, с. 79]. В тексте фигурирует “бабка лошади”. Судя по плану погребения, это – путовая кость [Ларенок 1998, рис. LXIII, 5];

57. Таврия II, 1/10 (Северо-Восточное Приазовье) [Ларенок 1998, с. 80-81]. В тексте говорится о “бабке лошади”;

УКРАИНА

Харьковская обл.

58. Курганная группа у “Гострой могилы”, 3/3 [Городцов 1905, с. 329]. В публикации фигурируют 3 “лошадиные фаланги (бабки)”. План погребения не опубликован;

Луганская обл.

59. Александровск, 9/50 (Донбасс) [Братченко и др. 2004, с. 69]. В публикации пишется: “Игральные кости – 6 больших, 5 маленьких, 3 – среднего размера”. Судя по плану погребения, большие кости являются путовыми костями лошади [Братченко и др. 2004, рис. 23, 8];

60. Майка, 4/3 (Донбасс) [Писларий, Дубовская 1978]²¹. В отчете фигурируют “бабки”. По плану погребения видно, что это – путовые кости лошади;

Донецкая обл.

61. Ивано-Дарьевка I, 5/19 (Донбасс) [Литвиненко, Полидович 2001, с. 129-130]. Авторы пишут, что в погребении были “два скакательных сустава (бабки) лошади. Осмотр данных предметов (А.В. Евглевский – руководитель отряда, производившего раскопки кургана, передал их в Донецкий областной краеведческий музей) позволил нам установить, что артефакты являются путовыми костями лошади (см. статью А.Н. Усачука в этом сборнике);

62. Ивано-Дарьевка I, 5/20 (Донбасс) [Литвиненко, Полидович 2001, с. 130]. Согласно авторам публикации, в погребении обнаружены “2 скакательных сустава лошади”. Однако, в текст статьи, вероятно, вкралась ошибка. Дело в том, что среди артефактов, переданных А.В. Евглевским в Донецкий областной краеведческий музей, находятся не 2, а 4 путовые кости лошади с шифрами, свидетельствующими об их принадлежности к данному погребению;

63. Ивано-Дарьевка I, 5/30 (Донбасс) [Литвиненко, Полидович 2001, с. 134]. Авторы пишут, что в погребении выявлены “3 скакательных сустава лошади и 1 коровы”. Необходимо уточнить, что среди артефактов, переданных А.В. Евглевским в Донецкий областной краеведческий музей, находятся 2 I фаланги лошади, 1 II фаланга лошади и 1 фаланга коровы, на которых имеется шифр, свидетельствующий об их принадлежности к данному погребению. Трасологический анализ, проведенный А.Н. Усачуком, показал, что на одной из I фаланг имеются следы, образовавшиеся при обрезании сухожилий металлическим орудием с тонким лезвием;

64. Новоселовка, п. 9 (Северо-Восточное Приазовье) [Привалова, Привалов 2004, с. 83]. Авторы отмечают, что в погребении находились “7 скакательных суставов (бабки) лошади”. Как видно по плану погребения, это – путовые кости лошади разной величины [Привалова, Привалов 2004, рис. 6, 3];

65. Новоселовка, п. 14 (Северо-Восточное Приазовье) [Привалова, Привалов 2004, с. 85]. Согласно авторам, в погребении выявлены “5 скакательных суставов (бабки) лошади”. Как видно по плану погребения, это – путовые кости разной величины [Привалова, Привалов 2004, рис. 9, 1];

66. Новоселовка, п. 15 (Северо-Восточное Приазовье) [Привалова, Привалов 2004, с. 87]. Авторы пишут, что в погребении найден “скакательный сустав (бабка) лошади”. Судя по плану погребения, это – путовая кость [Привалова, Привалов 2004, рис. 9, 3];

67. Попов Яр II, 1/8 (Донбасс). В захоронении выявлена “фаланга I (проксимальная) лошади” [Полидович и др. 2013, с. 40];

68. Ступки, 3/1 (Донбасс) [Городцов 1907, с. 317]. Автор пишет о “фаланге лошади”. Скорее всего, это – путовая кость;

Запорожская обл.

69. Благовещенка, 1/9 (Северо-Западное Приазовье) [Самар 1998, с. 75; рис. 1, 8-10]. Автор отмечает, что в могиле выявлены путовые кости лошади. Судя по плану погребения, их было 3 [Самар 1998, с. 75; рис. 1, 8].

²¹ Автор признателен О.Р. Дубовской за разрешение использовать информацию о данном погребении.

Регионы	Погребения с путовыми костями лошади 69	Погребения с астрагалами мелких копытных 247
Южный Урал (1095) *	1,4	1,7
Среднее Поволжье (1132)	1,2	2,7
Нижнее Поволжье (1149)	1,7	5,4
Восточная территория в целом (3376)	1,4	3,3
Верхнее и Среднее Подонье (648)	0,5	1,9
Нижнее Подонье (646)	0,2	2,2
Предкавказье (115)	--	2,6
Северо-западный регион ** (495)	0,2	1,6
Донбасс *** (982)	0,9	3,6
Северное Приазовье (775)	0,9	3,1
Орельско-Самарское междуречье (457)	--	2,6
Самарско-Конкское междуречье (300)	--	3,3
Днепровско-Молочанское междуречье (347)	--	1,7
Днепровское Правобережье (261)	--	2,7
Крым (222)	--	1,8
Западная территория в целом (5248)	0,4	2,6
Территория срубной общности в целом (8624)	0,8	2,9

Примечания: * – число учтенных срубных погребений; ** – Украинская левобережная лесостепь, левобережье Среднего Дона, бассейн Калитвы; *** – Донецкий кряж и его западные склоны.

Табл. 1. Удельный вес срубных погребений с путовыми костями лошади и астрагалами мелких копытных в различных регионах (%)

Знаки	Погребения с путовыми костями 48	Погребения с астрагалами 112
Индивидуальный курган или досыпка, центральное положение в кургане	6,3	11,6
Дополнительные элементы курганной архитектуры (ровик, каменная кольцевая выкладка)	--	1,8
Большая или просторная яма	8,3	9,8
Сложное могильное сооружение (сруб, столбовая конструкция)	2,1	0,9
Мясная пища	2,1	4,5
Бронзовый нож	2,1	1,8
Деревянное блюдо	2,1	--
Ритуалы вне дна могилы	10,4	7,1
Погребения без ранговых знаков	79,2	72,3

Табл. 2. Частота встречаемости основных знаков ранга в массивах погребений с путовыми костями лошади и астрагалами мелких копытных. Восточная территория (%)

Категории погребального инвентаря *	Погребения с путовыми костями 48	Погребения с астрагалами 112
Жезл	--	4,5
Плеть	--	0,9
Наконечники стрел	--	1,8
Бронзовый серп	2,1	--
Пряслице	--	1,8
Бронзовое шило	--	1,8
Бронзовая игла	2,1	--
Оселок	--	1,8
Скребок (?) из фрагмента сосуда	--	0,9
Флейта	--	0,9
Костяная трубка	--	1,8
Кости конечностей других животных **	10,4	17,0
Зубы копытных	2,1	1,8
Просверленные клыки хищников	6,3 ***	--
Клыки кабана	--	0,9
Позвонок животного	--	0,9
Раковины моллюсков, в.ч. подвески	--	2,7
Кремень	--	2,7
Кусочек халцедон	--	0,9
Отщеп сланца	--	0,9
Заготовка дротика из кварцита	--	0,9
Камешек неопределенной породы	--	0,9
Кусочек мела	--	0,9
Костяные пряжки	--	0,9
Бусы	10,4 ***	2,7 ***
Височные подвески	2,1 ***	2,7 ***
Бронзовые браслеты	4,2 ***	--
Набор украшений (височные подвески + бусы)	2,1	--
Набор украшений (височные подвески + браслеты)	--	0,9
Набор украшений (височная подвеска + браслеты + бусы ****)	--	0,9
Набор украшений (височная подвеска + браслет + клыки собак и лисы)	2,1	--
Набор украшений (височная подвеска + клыки лисы + костяная пронизь + бусы ****)	2,1	--
Костяная втулка неясного назначения	2,1	0,9
Костяное кольцо неясного назначения	--	0,9
Фрагмент костяного диска неясного назначения	--	0,9
Бронзовая обойма	--	0,9
Бронзовое вильчатое острие	--	0,9

Примечания: * – без учета вещей, маркировавших высокий ранг (бронзовый нож, деревянное блюдо); ** – не являющиеся остатками мясной пищи; *** – без учета комплексов, где данный предмет входил в состав набора украшений; **** – часть бусин входила в состав ожерелья, а часть, вероятно, была нашита на одежду.

Табл. 3. Частота встречаемости основных категорий некерамического погребального инвентаря в массивах погребений с путовыми костями лошади и астрагалами мелких копытных. Восточная территория (%)

Циміданов В.В.

ПУТОВІ КІСТКИ КОНЯ В ОБРЯДОВОСТІ ЗРУБНОЇ КУЛЬТУРИ

Статтю присвячено вивченню практики використання путових кісток коня (I фаланг) у поховальному обряді зрубної культури. Автор проаналізував 69 поховань, де містилися дані предмети. Їх ареал простягається від Південного Уралу на сході до Північного Приазов'я на заході. Питома вага поховань з путовими кістками складає у контрольному зведенні з 8624 поховань 0,8%. Найвищий показник має місце у Нижньому Поволжі – 1,7%. У результаті аналізу поховань було зроблено низку висновків, найважливіші із котрих наступні: а) практика обрядових маніпуляцій із путовими кістками коня в ареалі зрубної спільноти згасала зі сходу на захід; б) на східній території зрубної спільноти путові кістки корелювалися з різними статевими та віковими групами, але частіше вони потрапляли у поховання I середньої групи (від 7 до 12 років); в) на західній території ситуація, вірогідно, була подібною; г) люди, котрих ховали із путовими кістками, на перших етапах свого життя демонстрували велику соціальну мобільність; ґ) на західній території соціальна позиція людей, яких ховали з путовими кістками, була нижчою, ніж тих, кого ховали з астрагалами дрібних копитних тварин; на східній території позиція обох груп була близькою; д) в обрядовому житті населення зрубної спільноти путові кістки грали меншу роль, ніж астрагали дрібних копитних. Залучення етнографічних матеріалів до аналізу семіотичного статусу путових кісток дозволяє нам тлумачити їх як символ коня.

Ключові слова: пізній бронзовий вік, зрубна культура, поховання, путові кістки коня, семантика.

Tsimidanov V.V.

HORS PASTERNS IN RITE OF TIMBER-GRAVE CULTURE

The article presents the research of the use of horse pasterns (I phalanxes) in a funeral rite of the population of the Timber-Grave culture at the time of the Late Bronze Age. The author had analyzed 69 burials where these objects were. Its region stretched from South Urals in the east up to Northern Azov in west. The frequency of met of the burials with horse pasterns in a control selection of 8624 burials is 0,8%. The highest frequency of met in the Lower Volga region, is 1,7%. As a result of analysis of burials several conclusions were made, the most important of them are the following: a) practice of ceremonial manipulations with horse pasterns in a Timber-Grave community natural habitat went out from the east westward; b) on the east territory of the Timber-Grave community pasterns correlates with different sex and age groups but more often they got in burials of I middle group (from 7 to 12 years); c) on the west territory situation was probably similar; d) the people of that buried with horse pasterns in the early stages of his life demonstrated greater social mobility; e) on the west territory social position of the people of that buried with horse pasterns was below what position of the people of that buried with astragals of shallow ungulates, but on the east territory position of both groups was near; f) in ceremonial life of Timber-Grave community population of horse pasterns a less role what astragals of shallow ungulates. The application of ethnographic materials to the analysis of the semiotic status of pasterns allow us to interpret them a symbol of horse.

Keywords: Late Bronze Age, Timber-Grave culture, burials, horse pasterns, semantics.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Акаевский А.И.** Анатомия домашних животных / А.И. Акаевский. – М.: Колос, 1968. – 609 с.
- Антипина Е.Е.** Археозоологические материалы / Е.Е. Антипина // Каргалы. – Т. III: Селище Горный: Археологические материалы: Технология горно-металлургического производства: Археобиологические исследования. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 182-239.
- Антонова Е.В.** “Богатство” древних захоронений (к вопросу о роли идеологического фактора в формировании облика погребального комплекса) / Е.В. Антонова, Д.С. Раевский // Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ. – К.: Наук. думка, 1984. – С. 153-169.
- Африканов Ю.А.** Археологические памятники у ст. Буровка, с. Ново-Яблоновка и с. Дубовый Гай / Ю.А. Африканов // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам исследований в 2005-2006 гг.). – Саратов: Научная книга, 2010. – С. 119-133.
- Берестнев С.И.** Об “инсигниях власти” эпохи палеометалла / С.И. Берестнев // Проблемы истории и археологии Украины. – Харьков: ООО «НТМТ», 2012. – С. 12.
- Бойков А.А.** Курган эпохи бронзы на юге Воронежской области / А.А. Бойков // Проблемы археологического изучения Волго-Донской лесостепи. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. пед. ин-та. – С. 114-119.
- Боряк О.** “Там живут такі, як я ...”: сільське кладовище як простір потойбічного життя (за матеріалами польових досліджень Полісся) / О. Боряк // Народна творчість та етнологія. – 2012. – № 4. – С. 76-88.
- Ботякова О.А.** Детские игрушки у народов Средней Азии / О.А. Ботякова // “Мир детства” в традиционной культуре народов СССР. – Ч. II. – Л.: ГМЭ народов СССР, 1991. – С. 31-42.
- Братченко С.Н.** Погребения эпохи энеолита и бронзового века Александровского кургана № 9 на р. Лугань / С.Н. Братченко, Ф.Р. Балонов, Я.П. Гершкович // МДАСУ. – № 3. – Луганськ: Вид-во СНУ, 2004. – С. 30-74.
- Бурцев И.Г.** Представления о “том свете” в народной культуре Куликова поля / И.Г. Бурцев // Н.И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. – Т. 2: История, этнография, искусствоведение. – Тула: Гос. музей-заповедник “Куликово поле”, 2002. – С. 232-239.
- Буксикова О.Б.** Семантика десяти альчигов из гуннского погребения в Забайкалье / О.Б. Буксикова // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск; Ханты-Мансийск: Изд-во Омского пед. ун-та, 2002. – С. 94-95.
- Бурнаков В.А.** К вопросу о традиционной поминальной обрядности у хакасов / В.А. Бурнаков // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. – Вып. 2. – Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2008. – С. 254-258.
- Варламова Г.И.** От мифа к сказке / Г.И. Варламова // Эвенкийский этнос в начале третьего тысячелетия. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2006. – С. 15-33.
- Васильев И.Б.** Лузановский курганный могильник / И.Б. Васильев // Средневожская археологическая экспедиция. – Куйбышев: Изд-во Гос. пед. ин-та, 1977. – С. 5-43.
- Васильева И.Н.** Одиночный курган Рассвет I / И.Н. Васильева, Н.П. Салугина, Л.С. Кулакова // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2009. – С. 118-136.
- Ватазина А.П.** Киевский курганный могильник / А.П. Ватазина // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья / Научные труды. – Т. 220. – Куйбышев: Гос. пед. ин-т, 1977. – С. 81-88.
- Галкин Л.Л.** Раскопки срубных курганов в долине р. Авраль / Л.Л. Галкин // АО-1973. – М.: Наука, 1974. – С. 143.
- Галкин Л.Л.** Одно из древнейших практических приспособлений скотоводов / Л.Л. Галкин // СА. – 1975. – № 3. – С. 186-192.
- Горбов В.Н.** Культурные комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья / В.Н. Горбов, Р.А. Мимоход // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк: Украинский культурологический центр, 1999. – С. 24-69.
- Горбов В.Н.** Дружковский могильник и некоторые вопросы мировоззрения срубных племен / В.Н. Горбов, А.Н. Усачук // АА. – № 2. – Донецк, 1993. – С. 115-131.
- Горбунов В.С.** Некрополь эпохи бронзы Южного Приуралья / В.С. Горбунов, Ю.А. Морозов. – Уфа: Башкирское книж. изд-во, 1991. – 161 с.

Городцов В.А. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца, Изюмского уезда, Харьковской губернии / В.А. Городцов // Труды XII Археологического съезда в г. Харькове: в 2 т. – Т. I. – М., 1905. – С. 226-340.

Городцов В.А. Дневник археологических исследований в Бахмутском уезде, Екатеринославской губернии, 1903 года / В.А. Городцов // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе: в 3 т. – Т. I. – М., 1907. – С. 286-365.

Грязнов М.П. Антропоморфная фигурка бронзового века с реки Оби / М.П. Грязнов // Сообщения Государственного Эрмитажа. – Т. XXII. – 1962. – С. 26-27.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. – Т. I: А – З. – М.: Русский язык, 1978. – 700 с.

Деревянко Е.И. Тюркские элементы в погребальном обряде амурских племен I тыс. н.э. / Е.И. Деревянко // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 118-128.

Дьяконова В.П. Алтайцы / В.П. Дьяконова // Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. – М.: Наука, 1980. – С. 100-107.

Дьяконова В.П. Детство в традиционной культуре тувинцев и теленгитов / В.П. Дьяконова // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 152-185.

Дьяченко А.Н. Раскопки курганного могильника Неткачево в Котовском районе Волгоградской области / А.Н. Дьяченко, М.В. Кривошеев, О.А. Шинкарь // Материалы по археологии Волго-Донских степей. – Вып. 3. – Волгоград, 2006. – С. 105-163.

Жемков А.И. Курганы Малого Карамана (по материалам раскопок 1983 года) / А.И. Жемков, В.А. Лопатин // АВЕС. – Вып. 5. – Саратов: Научная книга, 2007. – С. 93-118.

Жемков А.И. Курганный могильник у с. Светлое Озеро в степном Заволжье / А.И. Жемков, В.А. Лопатин // АВЕС. – Вып. 6. – Саратов: Научная книга, 2008. – С. 157-193.

Захариков А.П. Охранные раскопки курганного могильника “Южный” в 2003 году / А.П. Захариков, В.В. Цыбрий // АВЕС. – Вып. 7. – Саратов: Научная книга, 2009а. – С. 98-122.

Захариков А.П. Охранные раскопки курганов в Петровском районе Саратовской области в 2003 году / А.П. Захариков, В.В. Цыбрий // Археологические записки. – Вып. 6. – Ростов н/Д, 2009б. – С. 129-144.

Захарова Е.Ю. Сосуды со знаками срубной общности эпохи поздней бронзы / Е.Ю. Захарова. – Воронеж: Изд-во Ворон. ун-та, 2000. – 135 с.

Збруева А.В. Памятники эпохи бронзы в Башкирии / А.В. Збруева, Б.Г. Тихонов // Древности Башкирии. – М.: Наука, 1970. – С. 40-127.

Зогович С. Ознаки деяких дитячих ігор із Македонії та їхня збереженість із минулого й дотепер / С. Зогович // Народна творчість та етнографія. – 2009. – № 3. – С. 57-67.

Иванова С.В. Клады бронзового века: функции артефактов и семиотика дискурса / С.В. Иванова // МАСП. – Вып. 12. – Одесса: “Печатный дом”; “Фаворит”, 2011. – С. 62-85.

Изотова М.А. Ритуальные комплексы поселения эпохи поздней бронзы “Макаровская речка” / М.А. Изотова // Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы евразийской степи и лесостепи. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2000. – С. 118-124.

Исмагил Р. Николаевские курганы (“Елена”) на реке Стерля в Башкортостане / Р. Исмагил, Ю.А. Морозов, М.С. Чаплыгин. – Уфа, 2009. – 240 с.

Казаков Е.П. Набережно-Челнинский могильник / Е.П. Казаков // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции. – Вып. 1. – М.: Знание, 1972. – С. 78-86.

Качалова Н.К. Ильменские курганы / Н.К. Качалова // АСГЭ. – 1970. – Вып. 14. – С. 7-34.

Кидиекова И.К. Женское божество-охранитель из конской лодыжки / И.К. Кидиекова, Ю.Г. Кустов // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – Кн. 1. – СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. – С. 215-217.

Ковалева И.Ф. Срубные погребения с наборами альчиков / И.Ф. Ковалева // Исследования по археологии Поднепровья. – Днепропетровск: Изд-во Днепропетровского ун-та, 1990. – С. 59-71.

Колев Ю.И. Курганный могильник Просвет I в Волжском районе Самарской области / [Ю.И. Колев, О.В. Кузьмина, Д.А. Сташенков, М.А. Турецкий] // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). – Самара, 2012. – С. 248-295.

Колева Т.А. Георгиев день у южных славян (обычаи, связанные с животноводством) / Т.А. Колева // СЭ. – 1978. – № 2. – С. 25-38.

Корневский С.Н. Феномен власти и его символы на долгом пути к государственности (теория и практика исследования) / С.Н. Корневский // *Stratum plus*. – № 2. – СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2011. – С. 143-166.

Косарев М.Ф. Мировоззренческие аспекты традиционной погребальной обрядности (по сибирским материалам) / М.Ф. Косарев // *КСИА*. – 2010. – Вып. 224. – С. 33-51.

Крамарев А.И. Раскопки Рождественского I курганного могильника на юге Самарской Луки / А.И. Крамарев, О.В. Кузьмина // *Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области)*. – Самара, 2012. – С. 83-157.

Краткий политехнический словарь / Под ред. Ю.А. Степанова. – М.: Гос. изд-во технико-теоретической литературы, 1956. – 1136 с.

Кузнецов П.Ф. Могильник Спиридоновка IV в контексте хронологии срубной культуры Самарского Заволжья / П.Ф. Кузнецов, О.Д. Мочалов // *Вопросы археологии Поволжья*. – Вып. 1. – Самара, 1999а. – С. 206-226.

Кузнецов П.Ф. Нестандартный раннесрубный курганный комплекс юга лесостепного Поволжья / П.Ф. Кузнецов, О.Д. Мочалов // *Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области*. – Вып. 1. – Самара, 1999б. – С. 59-92.

Кузнецов П.Ф. Самарская долина в бронзовом веке / П.Ф. Кузнецов, О.Д. Мочалов // *Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке*. – Самара, 2003. – С. 5-29.

Кузнецова Л.В. Курганный могильник срубной культуры у с. Волчанка в Куйбышевском Заволжье / Л.В. Кузнецова, М.С. Седова // *СА*. – 1991. – № 3. – С. 161-178.

Куприянова Е.В. Тень женщины: Женский костюм эпохи бронзы как “текст” (по материалам некрополей Южного Зауралья и Казахстана) / Е.В. Куприянова. – Челябинск: Авто Граф, 2008. – 244 с.

Ларенок В.А. Курганный могильник “Таврия”-I-II / В.А. Ларенок // *Каталог. Курганы Северо-Восточного Приазовья (Неклиновский и Матвеево-Курганский районы Ростовской области)*. Материалы и исследования Таганрогской археологической экспедиции. – Ростов н/Д, 1998. – С. 56-90.

Лебедева (Овчинникова) Н.В. Новые археологические исследования у села Лузановка / Н.В. Лебедева (Овчинникова) // *Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья*. – Самара, 2008. – С. 190-207.

Липский А.Н. К вопросу об использовании этнографии для интерпретации археологических материалов / А.Н. Липский // *СЭ*. – 1966. – № 1. – С. 105-118.

Лискевич Н.А. Особенности погребально-поминальной обрядности у коми юга Западной Сибири / Н.А. Лискевич // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. – 2012. – № 3(18). – С. 120-130.

Литвиненко Р.А. Курган срубной культуры у с. Ивано-Дарьевка / Р.А. Литвиненко, Ю.Б. Полидович // *АА*. – № 10. – Донецк, 2001. – С. 119-144.

Лифанов Н.А. Исследования курганного могильника Богородское-I в 2008 году / Н.А. Лифанов // *АВЕС*. – Вып. 8. – Саратов: Наука, 2010. – С. 108-125.

Лопатин В.А. Элементы социоструктуры позднепервобытных индоиранских обществ Центральной Евразии / В.А. Лопатин // *Нижнее Поволжье и Исламская Республика Иран: исторические, культурные, политические и экономические связи*. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2004. – С. 13-29.

Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н.э.) / В.А. Лопатин. – Саратов: Наука, 2010. – 244 с.

Лопатин В.А. Орнаментированные путовые кости лошади в искусстве неолита-энеолита степной Евразии / В.А. Лопатин, А.С. Порхунова // *Археологические памятники Оренбуржья*. – Вып. 9. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2011. – С. 12-29.

Лопатин В.А. Исследование курганного могильника “Мессер V” на севере Волго-Донского междуречья / В.А. Лопатин, С.И. Четвериков // *Археологическое наследие Саратовского края*. – Саратов: Научная книга, 2007. – С. 23-49.

Львова Э.Л. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек и общество / [Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова]. – Новосибирск: Наука, 1989. – 243 с.

Ляхов С.В. Погребения эпохи поздней бронзы из Букатовских курганов / С.В. Ляхов // *Срубная культурно-историческая область*. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1994. – С. 84-92.

Ляхов С.В. Погребения эпохи поздней бронзы из курганов у станции Кулатка Хвалынского района Саратовской области / С.В. Ляхов // *Археологическое наследие Саратовского края*. – Вып. 9. – Саратов: Полиграфия Поволжья, 2009. – С. 20-37.

- Мамонтов В.И.** Курганный могильник Первомаевский VIII / В.И. Мамонтов // Нижневолжский археологический вестник. – Вып. 4. – Волгоград, 2001. – С. 179-195.
- Матвеев А.В.** Ирменская культура в лесостепном Приобье / А.В. Матвеев. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1993. – 181 с.
- Мозолевський Б.М.** Товста Могила / Б.М. Мозолевський. – К.: Наук. думка, 1979. – 252 с.
- Молодин В.И.** Коллекция астрагалов святилища Кучерла-1 / В.И. Молодин, Н.С. Ефремова // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Т. IV. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – С. 300-309.
- Молодин В.И.** Памятник Сопка-2 на реке Оми: Культурно-хронологический анализ погребальных памятников одиновской культуры / В.И. Молодин. – Т. 3. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 220 с.
- Моргунова Н.Л.** Курганы у с. Уранбаш на Каргалинских рудниках / Н.Л. Моргунова // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. III. – Оренбург: ДИМУР, 1999. – С. 40-64.
- Моргунова Н.Л.** Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области / [Н.Л. Моргунова, А.А. Гольева, А.А. Евгеньев, Е.А. Крюкова, Л.В. Купцова, Н.В. Рослякова, Н.П. Салугина, М.А. Турецкий, А.А. Хохлов, О.С. Хохлова]. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2014. – 172 с.
- Морозов И.А.** Круг игры. Праздник и игра в жизни северорусского крестьянина (XIX–XX вв.) / И.А. Морозов, И.С. Слепцова. – М.: Индрик, 2004. – 920 с.
- Морозов Ю.А.** Раскопки памятников срубной культуры в западных районах Башкирии / Ю.А. Морозов // АО-1979. – М.: Наука, 1980. – С. 160-161.
- Мыськов Е.П.** Памятники эпохи поздней бронзы: Сухая Мечетка IV и Ерзовские курганные могильники / Е.П. Мыськов, А.С. Лапшин. – Волгоград, 2007. – 100 с.
- Мышкин В.Н.** Раскопки курганных могильников Масленниково I и Карабаевка I в Самарском Поволжье / В.Н. Мышкин, О.В. Кузьмина // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). – Самара, 2012. – С. 296-347.
- Назаркин А.Д.** Тофаларские народные игры / А.Д. Назаркин // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. – С. 93-97.
- Носова Г.А.** Традиционные обряды русских (крестины, похороны, поминки) / Г.А. Носова. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1999. – 232 с.
- Павлинская Л.Р.** Игрушка и мир ребенка в традиционных культурах Сибири / Л.Р. Павлинская // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. – Л.: Наука, 1988. – С. 222-252.
- Писларий И.А.** Отчет о работах Северскодонецкой экспедиции в 1978 г. / И.А. Писларий, О.Р. Дубовская. – НА ИА НАНУ – № 1978/2.
- Подобед В.А.** Птицы в верованиях степных и лесостепных племен Евразии эпохи бронзы / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // УАВ. – Вып. 12. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. – С. 43-70.
- Подобед В.А.** Зубы человека в обрядах племен Поволжья эпохи бронзы / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // Поволжская археология. – 2013. – № 3(5). – С. 56-72.
- Подобед В.А.** Таранные кости крупного рогатого скота в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии / В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов // Теория и практика археологических исследований. – № 2(10). – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2014. – С. 31-56.
- Полидович Ю.Б.** О размещении керамических сосудов в срубных погребениях / Ю.Б. Полидович // АА. – № 6. – Донецк, 1997. – С. 163-172.
- Полидович Ю.Б.** Исследование курганов группы Попов Яр-2 в Донецкой области / [Ю.Б. Полидович, А.Н. Усачук, Э.Е. Кравченко, В.А. Подобед] // АА. – № 30. – Донецк, 2013. – С. 36-135.
- Попеско П.** Атлас топографической анатомии сельскохозяйственных животных / П. Попеско. – Т. 3. – Братислава: Природа, 1978. – 195 с.
- Посегун А.А.** Исследование курганного могильника Почтовый II в Октябрьском районе Ростовской области / А.А. Посегун // Археологические записки. – Вып. 6. – Ростов н/Д, 2009. – С. 63-73.
- Потапов В.В.** Жилища поселения Вареновка III / В.В. Потапов // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. – Донецк, 2000. – С. 23-26.
- Привалова О.Я.** Новоселовский грунтовый могильник в бассейне Кальмиуса / О.Я. Привалова, А.И. Привалов // ДАС. – Вып. 11. – Донецк: Изд-во Донецк. нац. ун-та, 2004. – С. 77-95.

- Прокофьев Р.В.** Раскопки курганов в окрестностях г. Новошахтинска / Р.В. Прокофьев, Т.В. Прокофьева // Археологические записки. – Вып. 6. – Ростов н/Д, 2009. – С. 189-190.
- Пропп В.Я.** Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропп. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 366 с.
- Раевский Д.С.** Из области скифской космологии / Д.С. Раевский // ВДИ. – 1978. – № 3. – С. 115-133.
- Рогудеев В.В.** Исследование курганов в Северо-восточном Приазовье / В.В. Рогудеев // Труды Археологического научно-исследовательского бюро. – Т. II. – Ростов н/Д, 2005. – С. 129-149.
- Ромашко В.А.** Святилища и жертвенники на поселениях срубной культуры Украины / В.А. Ромашко // ПАП. – Днепропетровск: Изд-во Днепр. ун-та, 1993. – С. 79-91.
- Ромашко В.А.** Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры) / В.А. Ромашко. – К., 2013. – 592 с.
- Рослякова Н.В.** Костные остатки мясных частей туш животных из погребений срубной культуры лесостепного Поволжья / Н.В. Рослякова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2013. – Т. 15. – № 1. – С. 205-210.
- Рослякова Н.В.** Археозоологические комплексы из могильников эпохи поздней бронзы Самарского Поволжья / Н.В. Рослякова, П.А. Косинцев // Бронзовый век. Эпоха героев (по материалам погребальных памятников Самарской области). – Самара, 2012. – С. 348-378.
- Рослякова Н.В.** Археозоологическое изучение комплексов погребального инвентаря из погребений срубной культуры лесостепного Поволжья / Н.В. Рослякова, П.А. Косинцев // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2013. – Т. 15. – № 1. – С. 211-218.
- Рослякова Н.В.** Результаты изучения остеологической коллекции из раскопок Боголюбовского могильника / Н.В. Рослякова // Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области / [Н.Л. Моргунова, А.А. Гольева, А.А. Евгеньев, Е.А. Крюкова, Л.В. Купцова, Н.В. Рослякова, Н.П. Салугина, М.А. Турецкий, А.А. Хохлов, О.С. Хохлова]. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2014. – С. 159-165.
- Самар В.А.** Верхняя хронологическая граница КМК и покровская культура Северного Приазовья / В.А. Самар // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности (ККИО) и культурно-исторической общности многоваликовой керамики (КИОМК). – Запорожье, 1998. – С. 75-83.
- Сатаев Р.М.** Остатки животных из раскопок 1 и 2 курганов Николаевского могильника / Р.М. Сатаев // Исмагил Р., Морозов Ю.А., Чаплыгин М.С. Николаевские курганы (“Елена”) на реке Стерля в Башкортостане. – Уфа, 2009. – С. 211-221.
- Синицын И.В.** Древние памятники Саратовского Заволжья / И.В. Синицын // Археологический сборник. – Саратов, 1966. – С. 24-68.
- Синюк А.Т.** Бронзовый век бассейна Дона / А.Т. Синюк. – Воронеж: Изд-во Ворон. педун-та, 1996. – 350 с.
- Словарь** современного русского литературного языка / Под. ред. В.И. Чернышева. – Т. Первый: А-Б. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 768 с.
- Смирнов К.Ф.** Археологические данные о древних всадниках поволжско-уральских степей / К.Ф. Смирнов // СА. – 1961. – № 1. – С. 46-72.
- Соколова З.П.** Ханты и манси / З.П. Соколова // Семейная обрядность народов Сибири. Опыт сравнительного изучения. – М.: Наука, 1980. – С. 125-143.
- Стоколос В.С.** Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация) / В.С. Стоколос. – М.: Наука, 1972. – 168 с.
- Тайлор Э.Б.** Первобытная культура / Э.Б. Тайлор. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
- Усачук А.Н.** К вопросу о костяных деталях духовых музыкальных инструментов в эпоху бронзы / А.Н. Усачук // Древности Северо-Восточного Приазовья. – Донецк: Украинский культурологический центр, 1999. – С. 70-87.
- Фріч А.** Високий мисливець / А. Фріч. – К.: Веселка, 1979. – 200 с.
- Халяпин Н.В.** Погребальные памятники эпохи бронзы с территории Оренбургского Приуралья / Н.В. Халяпин, С.В. Богданов // Археологические памятники Оренбуржья. – Вып. III. – Оренбург: ДИМУР, 1999. – С. 75-104.
- Хохлов А.А.** Результаты антропологического анализа материалов из одиночного кургана Рассвет I / А.А. Хохлов // Этнические взаимодействия на Южном Урале. – Челябинск: Изд. центр ЮУрГУ, 2009. – С. 137-138.

Хохлов А.А. Антропологические материалы эпохи поздней бронзы из курганных могильников Саратовского Поволжья (по материалам раскопок 2006 г.) / А.А. Хохлов // Археологические памятники Саратовского Правобережья: от ранней бронзы до средневековья (по материалам исследований в 2005-2006 гг.). – Саратов: Научная книга, 2010. – С. 232-247.

Хохлов А.А. Результаты антропологических исследований / А.А. Хохлов // Боголюбовский курганный могильник срубной культуры в Оренбургской области / [Н.Л. Моргунова, А.А. Гольева, А.А. Евгеньев, Е.А. Крюкова, Л.В. Купцова, Н.В. Рослякова, Н.П. Салугина, М.А. Турецкий, А.А. Хохлов, О.С. Хохлова]. – Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2014. – С. 120-130.

Цивьян Т.В. О связи игра – ритуал (игрушки – ритуальные предметы) / Т.В. Цивьян // Международный симпозиум “Античная балканистика 6”. Этногенез народов Юго-Восточной Европы. Этнолингвистические и культурно-исторические взаимодействия Балкан и Циркумпонтийской зоны (18-22 октября 1988 г.): тез. докл. – М., 1988. – С. 55-57.

Цимиданов В.В. Веретено в обрядах населения срубной культуры / В.В. Цимиданов // Труды ГИМ. – Вып. 109: Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей. – М., 1999. – С. 224-227.

Цимиданов В.В. Астрагалы в погребениях степных культур Восточной Европы эпохи поздней бронзы и раннего железа / В.В. Цимиданов // АА. – № 10. – Донецк, 2001. – С. 215-248.

Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества / В.В. Цимиданов. – Донецк, 2004. – 204 с.

Цимиданов В.В. Срубная культурно-историческая общность: мужчины и женщины / В.В. Цимиданов // МДАСУ. – № 5. – Луганськ, 2006. – С. 193-214.

Цимиданов В.В. Похоронення із нагайками в зрубній культурі / В.В. Цимиданов // МДАСУ. – № 7. – Луганськ: Вид-во СНУ, 2007. – С. 217-224.

Цимиданов В.В. Возрастная стратификация общества срубной культуры / В.В. Цимиданов // МДАСУ. – № 8. – Луганськ: Вид-во СНУ, 2008. – С. 56-82.

Цимиданов В.В. Погребения с раковинами моллюсков в срубной культуре / В.В. Цимиданов // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Азбука, 2009. – С. 61-67.

Цимиданов В.В. “Богиня-черепаша” в культурах юга Восточной Европы эпохи поздней бронзы / В.В. Цимиданов // Проблеми дослідження пам’яток археології Східної України: матер. III Луганської міжнародної історико-археологічної конференції, присвяченої пам’яті С.Н. Братченка. – Луганськ, 2012. – С. 371-376.

Цимиданов В.В. Камень *яда* и некоторые “тексты” культур степной и лесостепной Евразии эпохи бронзы / В.В. Цимиданов // Кадырбаевские чтения – 2014. – Астана: Мега принт, 2014. – С. 115-122.

Цимиданов В.В. Погребения с астрагалами срубной культурно-исторической общности / В.В. Цимиданов, Н.А. Чаур // Древности Подонцовья. – Луганск: Осирис, 1997. – С. 50-61.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы / С.С. Черников // МИА. – 1960. – № 88. – 285 с.

Членова Н.Л. Андроновские и ирменские погребения могильника Змеевка (Северный Алтай) / Н.Л. Членова // КСИА. – 1976. – Вып. 147. – С. 76-83.

Шаталин Ю.А. Раскопки курганов у г. Лисичанска / Ю.А. Шаталин // АО-1973. – М.: Наука, 1974. – С. 361.

Юдин А.И. Погребения с астрагалами из Новопокровки-II: служители культа или “игроки”? / А.И. Юдин // АВЕС. – Вып. 7. – Саратов: Научная книга, 2009. – С. 147-148.

Юдин А.И. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное / А.И. Юдин, А.Д. Матюхин. – Саратов: Научная книга, 2006. – 116 с.